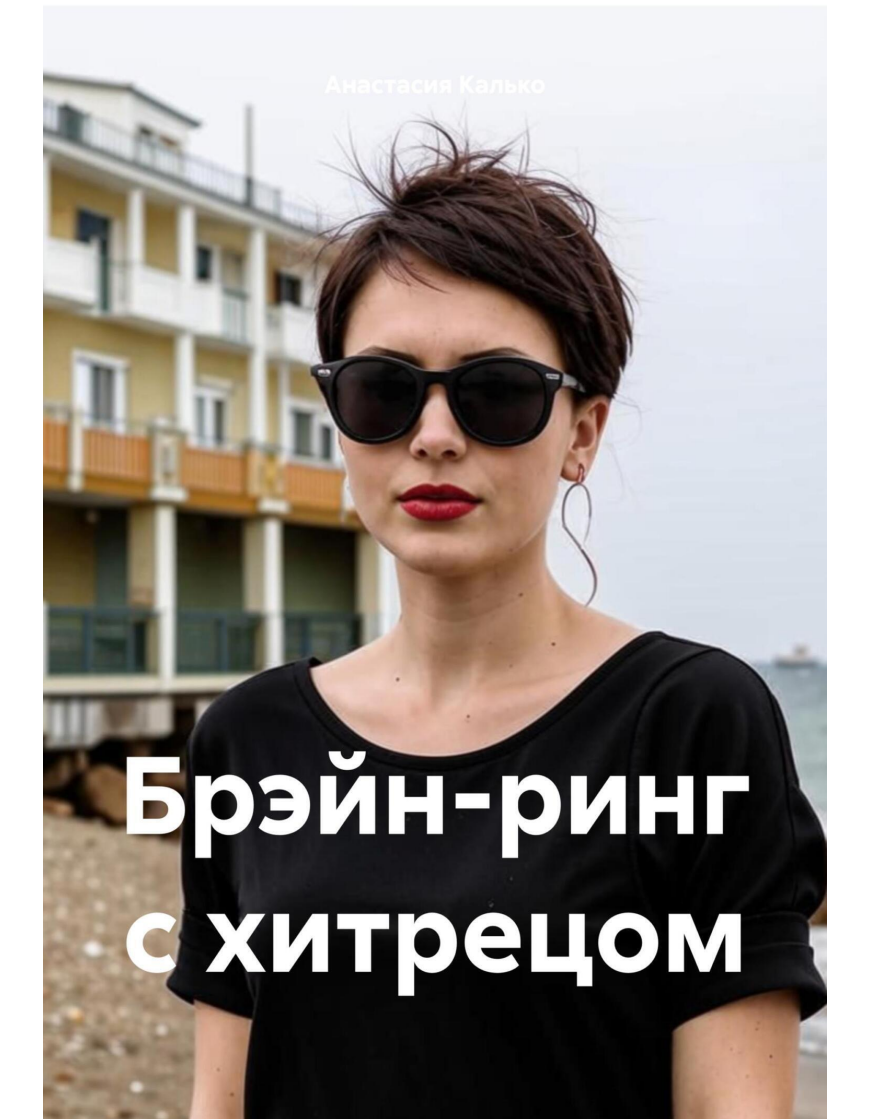

Анастасия Калько

Брэйн-ринг с хитрецом

Анастасия Александровна Калько

Брэйн-ринг с хитрецом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71130334

SelfPub; 2024

Аннотация

Приехав в разгар весеннего цветения в Крым, чтобы поздравить с юбилеем армейского друга, Наташа Навицкая оказывается в эпицентре событий, одно острее другого. Неприятная встреча с человеком, который еще в школе напрашивался на конфликт, а сейчас откровенно завидует и старается навредить Наташе. Приезд из Воркуты неотразимого Алексея Иноземцева, который наверняка не отказался от своего прошлогоднего обещания "Эта женщина будет моей!". Преступление, свидетелями которого они стали. Убийца, который явно где-то рядом и затеял с популярной писательницей, автором детективных романов, интеллектуальную игру – кто кого перехитрит. А у лучших друзей Наташи, супругов-адвокатов Ефима Когана и Беллы Измайловой – своя проблема: их подзащитный, профессиональный мошенник, сбежал из-под домашнего ареста. И след его ведет на юг...

Анастасия Калько

Брэйн-ринг с хитрецом

Лишь временной бывает безнаказанность.

На латыни: *Poenam moratur improbus, non praeterit.*

Публилий Сир (85 – 43 гг. до н.э.) – римский мимический поэт

эпохи Цезаря и Августа, младший современник и соперник Лаберия. /

Все персонажи и события романа являются вымышленными. Любое сходство с реальностью случайно.

Посвящается замечательному киноартисту, спортсмену и бодибилдеру Ральфу Меллеру.

*

"Кто-то обходит все грабли на своем пути... Кто-то натывается на них только однажды и навсегда запоминает, что с ними надо быть осторожнее. А я с завидной регулярностью получаю рукояткой по лбу, и ничему меня жизнь не учит", – думала Наташа Навицкая, прогуливаясь по аллее гостиничного городка на берегу моря.

Апрель в этом году выдался теплым, особенно на юге. Наташа довольно быстро сбросила ветровку, оставшись в ру-

башке "поло", а кто-то из местных уже и в шорты переоделся. С моря дул прохладный ветер – но уже не пронизывающий, а бодрящий. Солнце светило вовсю, словно отводя душу после долгой пасмурной зимы.

Наташа приехала сюда из Петербурга сегодня утром. Ее армейский товарищ собирался праздновать свой юбилей – 45 лет – и пригласил друзей-однополчан в одно из местных кафе, арендовав там банкетный зал. Встреча бывших десантников не предполагала степенного "семейного" застолья, так что Наташа приехала на встречу одна. Ее муж и сын – Витя-большой, адвокат, и Витя-маленький, школьник-первоклассник, остались дома – один на работе, второй – в школе.

На берегу моря, который Наташа помнила "диким", пустынным на многие километры, за эти годы вырос целый гостиничный городок с 20 корпусами, где можно было выбрать номер на любой вкус и кошелек, и развитой инфраструктурой. Все, что могло понадобиться отдыхающим, постарались предусмотреть на территории комплекса. Магазины, парикмахерская, СПА, кафе, медпункт, бэби-зона, сауна... Увидев рядом со столовой спортивный зал, Наташа усмехнулась: "Правильно. Переел местных лакомств – вперед, ступай, разомнись, растряси бока!"

Аллеи утопали в густой зелени, пышно цвели нарциссы и сирень, появились бутоны на ранних южных розах.

Приветливая хозяйка нескольких номеров, которые сдавала внаем в течение всего года, приняла Наташу очень при-

ветливо. Она споро подключила всю технику в номере, взяла оплату за недельное проживание, пообещала, что через пару часов два обогревателя прогреют выстуженную за зиму комнату и ушла. Наташа осталась в просторном номере с большой спальней, балконом, прихожей и ванной. С балкона был виден строящийся фудкорт в роли римского Колизея. Это навеяло Наташе воспоминания о прошлогоднем расследовании в Воркуте. Там в это время только начинает таять снег. "Давно же я не была в родных краях, – она вышла на балкон, подставив лицо солнцу, – забыла, как рано здесь начинается теплое время года! Может, и продлю проживание, если понравится, позагораю, если погода не испортится!"

Она быстро разобрала чемодан и решила прогуляться за продуктами – большинство магазинов на территории городка еще не работало. Но с продуктами явно проблем не будет – это раньше в совхозе работал только один магазин, который в сложные годы перестройки, бывало, сверкал пустыми полками. Было и такое на заре 90-х, когда родители привозили к морю маленьких Наташу, Катю и Таню. Жили тогда в кемпинге у моря – тесные ряды деревянных домишек у моря, без "удобств", покатая крыша раскалялась в жару, как сковородка, а во время похолоданий быстро отдавала накопившееся в домике тепло, и автобусы ходили крайне редко... До ближайшего магазина у пристани приходилось идти километра 4 пешком. "Загибается совхоз, – говорил отец, – жалко, видели бы вы его раньше, дочки!"

Зато сейчас все изменилось в лучшую сторону, как успела заметить Наташа из окна такси, везущего ее с вокзала в бывший совхоз, а ныне – курортный и винодельческий поселок. Выросли новые дома, заблестела евроокнами школа, золотился на горе купол беленькой церквушки, а в кемпинге вместо щелястых домишек выросли симпатичные коттеджи. У остановки на двухэтажном здании гордо алели буквы: "Торговый центр Вилес". Многие ворота в частном секторе украсились табличками "Сдается жилье". И автобусы ходили не в пример лучше – по дороге Наташа насчитала на дороге не меньше дюжины.

"Куплю продукты, искупаюсь и пойду гулять. Осмотрюсь, разомнусь после двух дней в поезде. Гулянка у Гриши только завтра, а сегодня – отдых, отдых, отдых!".

Наташа заперла серую металлическую дверь и вышла.

Да, в городке в это время года еще много учреждений не работало, они открывались только в мае. Только парикмахерская гостеприимно распахнула двери, и из прачечной доносились запахи свежего белья и горячего утюга.

Наташа направилась в "Вилес", благо, он был ближе всех. "Надеюсь, там я найду все, что мне нужно. Не "Перекресток", конечно, но тоже выглядит недурно!".

Осматривая витрины и отмечая то, что она купит, Наташа думала о том, как она не укладывается в рамки так называемой "нормы". Замужняя женщина-мать априори не может отдыхать в одиночестве – выезжать к морю надо всей се-

мьей, слово "я" заменить на "мы" и не мыслить себе отпуска на расстоянии от мужа и детей и номер снимать из расчета "двое взрослых, добавить ребенка".

А она чувствует себя спокойно и комфортно, отдыхая в одиночестве, пока Уланов защищает от меча Фемиды очередного клиента, а сын заканчивает первый класс. И не потому, что не любит обоих своих Викторов – просто у нее такой самодостаточный характер, что в уединении она абсолютно не страдает. "Неправильная я, – думала Наташа, – не такая, как все!".

В "Вилесе" она закупила весь свой стандартный недельный набор продуктов и, не удержавшись, прихватила еще и местной выпечки, свежей, еще дышащей теплом на прилавке.

Поднимаясь на второй этаж, чтобы купить шампунь, Наташа чуть не столкнулась со спускающимся мужчиной.

– Сорян, – буркнул он.

– Извините, – ответила Наташа.

Они посмотрели друг на друга и ошеломленно застыли.

"Да, я ошибался, она все-таки выкарабкалась!"

"Вот так встреча. Прогнозист великий. Сбылось все с точностью до наоборот. Узнал меня? Вот и полюбуйся!"

Когда Наташа вышла с покупками из "Вилеса", она увидела, как человек из прошлого, пиная носком кроссовки жестянку из-под пива, входит во двор одного из самых скромных частных домов, не украшенного даже табличкой "Сдаю

жилье" – настолько он был маленьким и непритязательным.

Этого парня она хорошо знала по школе. В старших классах он пытался вести себя, как самый крутой парень по меркам конца 90-х. Он залихватски матерился, озираясь по сторонам; пил после школы пиво за теплоцентралью и добывал деньги на любимый напиток, у более младших школьников, угрожая неплательщикам побоями. Когда он попытался обложить данью Наташиных сестер-двойняшек, 13-летних Катю и Таню, 15-летняя Наташа не на шутку отколотила его самого. Тогда уже она была рослой крупной девочкой, закаленной походами по горам и физкультурой, и парню крепко досталось. "Еще раз к двойням сунешься, всю жизнь на врачей работать будешь, – посулила Наташа. – Хочешь на пиво нашибать, иди, машины мой!"

В десант они пытались поступить вместе. Наташу приняли, а его отсеяли на медкомиссии. Не сдержавшись, парень поскандалил по поводу того, что "баб берут, а мужика отшили" и, уходя, бросил на Наташу полный злости взгляд.

Вспомнила о нем Наташа только спустя много лет, когда оказалась в Симферопольском СИЗО по обвинению в попытке теракта и убийстве. Именно этот парень добровольно явился к следователю и выразил желание рассказать все, что знает, о личности подозреваемой. "Говорит, что знает тебя, как облупленную, – рассказывали ей адвокаты, – соловьем поет, целые эпопеи о твоих прегрешениях слагает". А уже в Москве после одного из судов по продлению срока пред-

варительного ареста он подошел к Наташиным адвокатам и, гадко ухмыляясь, попросил: "Передайте ей, что Бог не фразер, все видит и по местам расставляет. Я после суда поеду с любимой женой на море оттягиваться, а она пойдет зону топтать лет на двадцать, и это будет справедливо!" "Крепко же я задела его мужскую гордость, начистив в девятом классе чайник", – только усмехнулась Наташа.

В номере она сложила продукты в холодильник и быстро переоделась в купальник. "Надеюсь, мы не будем слишком часто сталкиваться лицом к лицу. Меня это не порадует. Его, думаю, тоже!"

Пляж стал заметно чище и комфортнее. Правда, навесы еще не были натянуты, а кабинки для переодевания – не собраны. Пляжные кафе и магазины закрыты. По залитому солнцем берегу степенно прогуливались местные жители. Кто-то закинул в море удочку. Кто-то расставил мольберт и запечатлевал апрельский пейзаж.

Ветер на берегу был сильнее и холоднее, но небо – без единого облачка. Море белело курчавыми "барашками" и обдавало берег облаками мелкой водяной "пыли", радужной на солнце. Алели на горизонте глинистые горы. Наташа осмотрелась в поисках тяжелых камней, чтобы прижать свои вещи – а то ветром разметет по всему берегу. "Зря я солнцезащитный лосьон не взяла, – подумала Наташа, раздеваясь, – тут уже и обгореть можно!".

Море уже успело немного согреться, и вода не обжигала.

А в Питере еще кое-где не до конца стоял лед.

Наташа заплыла далеко, радуясь чистому освежающему морю – летом оно никогда не бывает таким прозрачным, взбаламученное тысячами ног каждый день, даже ранним утром.

Переодеваться пришлось тут же, на берегу, закутавшись в полотенце.

На Доске почета не было ни одного знакомого лица. В старинном доме, где раньше были библиотека и музыкальная школа, расположились теперь магазин и какая-то общественная приёмная. Сквер возле почты почти не изменился: остались на месте фонтан с чашей – "ракушкой" и летняя эстрада, по которой Наташа и сестренки любили топать, слушая гулкое эхо. А вот винзавод похорошел. Современное бежево-алое здание с зеркальными окнами, сменившими старые, прозрачные, с большими желтыми баками за стеклом...

Ступеньки, спускающиеся на площадь у магазина, остались прежними – широкими, серыми в тени могучих шелковиц. Но едва ли теперь кто-то летом отважится предложить ребенку полакомиться ягодами с ветки – в плане экологии все изменилось не в лучшую сторону...

Магазин разделился надвое. В большей части продавались продукты, средства для ухода, бытовая химия, игрушки и трикотаж, а в меньшей – мини-маркет с кофемашиной и заварным кофе.

Со стаканчиком эспresso в руках Наташа спустилась по

улице к парку и пруду.

Пруд она запомнила в последний свой приезд обмелевшим, заросшим камышом и заболоченным. Сейчас он очистился, украсился деревянными мостками и беседками. На мостках стояли рыбаки. В беседках смеялись, играли на гитарах; под деревьями стучал мяч и душисто пахло шашлыком.

Парк похорошел, но стал "как у всех" – бежево-коричневый декор, фигурные скамейки, качели на цепочках. На месте ежевичника расположилась тренажерная площадка. Наташа охотно размялась на паре тренажеров.

И тут она снова увидела его с бутылкой пива на скамейке. Он проводил молодую женщину неприязненным взглядом и смачно харкнул мимо урны. "Ишь, выделяется, спортсменка олимпийская! Принесло же ее сюда!"

"Да... Поселок небольшой, будем сталкиваться. Ладно, пофиг. Пусть смотрит злыми глазами сколько хочет, а вот если начнет докапываться, опять получит на орехи! Леща подесантному я готовить еще не разучилась!"

Вдоль дороги Наташа неспешно шла к гостиничному комплексу. И вдруг ее обогнала огромная черная машина хищного вида и, чуть не ударив зеркальцем по голове, промчалась мимо.

– Глаза разуй, дебил! – крикнула ему вслед Наташа, чуть не сбитая воздушной волной.

У ворот она посмотрела на часы; прогулка неторопливым

шагом по периметру совхоза заняла всего час. В Петербурге многие столько же тратили времени на дорогу до метро. Как, например, жители Шушар, где станцию открыли в промзоне, по другую сторону КАД, и добраться до нее жителям новостроек было непросто.

Черная машина стояла на гостиничной парковке во дворе. Изрядно запыленная и в то же время блестящая, дерзкая, бросающая вызов окружающей обстановке. И Наташа сразу ее узнала... "Ну, это уже слишком много для одного дня!".

Открылась дверца, и из салона донеслось:

– ... Сколько лет искал я счастье, да так не смог найти,

Только дело, деньги, шмотки, девки, тачки, кабаки...

Песня группы "Нэнси" живо напомнила Наташе апрельский вечер в Воркуте, хлюпающий под ногами снег, голые прутьики ив в сквере у гостиницы и снежок, метко запущенный в скульптурно красивое лицо человека у большой черной машины...

Да, это он – тот самый "Найт-15", именно так он называется, и вот они, номера – да, Республика Коми. "Мало мне встречи с Водоносовым, придурком стукнутым, так еще и..."

Огромная нога в высоком шнурованном ботинке и синих джинсах ступила на дорожку. За ней – вторая. А потом он появился весь – во всей красе своих 197 сантиметров и 125 килограммов литых шарообразных мускулов, на ходу надевая солнцезащитные очки. Потянулся, расправил плечи. Под тонкой черной майкой обозначились "кубики" на плоском

животе.

"Да красивый, красивый, – к Наташе вернулся ее привычный сарказм, – куда уж нам, гагарам. Интересно... Только не говорите мне, что он из самой Воркуты сюда на машине прикатил!".

*

Блондин извлек из огромного багажника внушительный чемодан, бокастую спортивную сумку – под плотной тканью угадывались контуры эспандера и гантелей – и пижонский несессер "RM". "У меня меньше косметики, – мысленно съехидничала Наташа, привыкшая еще в прошлом году иронизировать над манерой этого парня любоваться собой и непрерывно озираться вопросительно: "Я ль на свете всех милее?". И это при том, что избалованным неженкой он отнюдь не был. Напротив, жизнь с детства жестко побила его, дав хорошую закалку. Он вырос человеком, привыкшим всегда рассчитывать только на себя, ставить цель и добиваться, идя порой напролом. Он стал очень жестким и даже временами жестоким, с очень крутым нравом. Но это самолюбование в нем было неистребимо...

"Неужели это случайное совпадение? – Наташа проводила взглядом здоровяка, направляющегося к административному корпусу. – Не успела я заехать в гостиницу, как появляется он. И тоже сюда! Интересно, неужели меня кто-то ему "слил"? Уланов? Фима или Белла? Лиза? Игорь? Кто еще знал заранее, что я еду именно сюда? – она поднялась на вто-

рой этаж своего корпуса, повернула ключ в замке. – Из Воркуты сюда за один день никак не доехать, разве что на самолете, но они сейчас не летают. Значит, знал как минимум за неделю. Но от кого?"

Водоносков проводил ее мрачным взглядом от ворот "Любморья" и снова сплюнул. Вот что это за жизнь такая похабная, – думал он, – где справедливость? Почему эта фря в шоколаде, у моря оттягивается, хотя еще лет 15 должна была бы рукавицы в Мордовии шить? И почему ему по жизни одни дули с маком достаются?

Здоровенный парень в джинсах и майке неодобрительно посмотрел на него из-под пижонских зеркальных очков. Его джип, такой же пафосный и высокомерный, как хозяин, горой возвышался на стоянке, заняв чуть ли не два места. Парень толкнул дверь и скрылся в административном здании, направляясь к рецепшен.

"Тоже отдыхать к морю прикатил, – Водоносков про себя выругался, – ишь, разж...ся со своим броневином на всю парковку! Да пошли они...!" – он сунул руки в карманы и пошел дальше. "Жизнь – штука полосатая, – утешал себя Водоносков на ходу, – все по местам расставляет, еще увидите..."

Он с удовольствием представил себе, как в комплексе случается какая-нибудь нештатная ситуация, вроде ноябрьской "бури столетия" и долбанутая зэчка Навицкая и амбал с джипом мечутся, с лица спавшие, разом утратив весь свой горор. "Это им не на тренажерах выдрючиваться или на "тан-

ке" рассекать. Сразу бы щеки сдули!"

*

В номере стало уже ощутимо теплее, обогреватели прекрасно справлялись с задачей. Наташа с наслаждением вылезла из берцев и прошла на балкон в одних носках, чтобы развесить купальник и полотенце.

"Алексей-Алешенька... И как же его сюда занесло? Хотя с него сталось бы совершить автопробег Воркута – Севастополь, чтобы лишний раз дать собой полюбоваться. Может, и в интернете выкладывал: дорога без конца и краю, мощный "Найт" и белокурый мускулистый красавец за рулем... После "Поехавшей" появилось много желающих проехать своим транспортом 4-5-6 тысяч километров, выкладывая путевые заметки в блоге или соцсетях. А слабо тебе было, Леша, тоже на велосипед сесть? На машине поехал, с комфортом. Пижон ты, Иноземцев!" – Наташа усмехнулась, выложила на стол общие тетради и коробочку шариковых ручек для будущей книги и снова вышла из номера, чтобы поискать место для курения.

С Алексеем Иноземцевым она познакомилась в прошлом году в Воркуте. Так сложилось, что Наташа, благодаря чьей-то веб-камере с видом на Тиманский овраг, оказалась единственным свидетелем преступления, совершенного, по воле случая, именно в поле зрения камеры. И ее пригласили в "столицу мира" для дачи показаний.

В первый же вечер Наташе едва не проломили голову, за-

пустив из кустов ивняка обломком огромной сосульки. После этого она уже не помышляла об отъезде ближайшим поездом, пока не выяснит, кому это так неприятно ее присутствие.

А потом появился он. Полукриминальный бизнесмен с детдомовским прошлым, бывший "воркутинский пацан" из качалки, отказник, брошенный в воргашорском родильном доме беспутной матерью... Он начинал с нуля, сделал себя сам, и ему было, чем похвалиться. Стараясь привлечь к себе внимание, он словно говорил: "Видите? Всего этого я добился САМ. Ну разве я не молодец? Зацените!". Он привык брать от жизни все, не дожидаясь, пока ему предложат. И только с Наташей потерпел фиаско. Она сумела противостоять его напору, обаянию и мощному чувственному магнетизму. Романа у них так и не случилось, но они остались хорошими друзьями. Но на самом ли деле Иноземцев забыл свое обещание: "Я получаю от жизни все желаемое, и эта женщина будет моей"?

Наташа не знала, стоит ли сообщать в разговоре с мужем и друзьями о приезде Алексея. Рассказать? Уланов может забеспокоиться и будет думать не о процессе, который ведет сейчас в суде, а о том, что вокруг жены снова кружит неотразимый северянин. Промолчать? Как-то двусмысленно получится, если все же узнают. Вот и пришла досадливая мысль о граблях, которые с завидной регулярностью попадают на ее пути. Как бы сделать, чтобы можно было миновать их, не

получая каждый раз по лбу?

Увидев в укромном местечке вкопанную скамейку и возле нее – обрезанную поверху 6-литровую баклажку из-под воды с камнями, водой и песком, Наташа радостно двинулась к ней.

"Нечего сказать, удачно приехала, – она устроилась на скамейке и защелкала огнивом, – сначала придурок Водоносов смотрит на меня так, будто в море утопить мечтает, теперь – неотразимый Иноземцев появился. Не верю я, что он случайно закатился в ту же самую гостиницу, где в этот момент отдыхаю я! Ага! Совпадение! Так я и поверила. И все же, кто ему сказал?"

Наташа в уме попыталась подсчитать, сколько дней нужно добираться из Воркуты в Севастополь на автомобиле. Получилось не меньше 4-5 дней. Алексей же не Терминатор, чтобы неустомимо вести машину без сна и отдыха. Значит, останавливался на ночлег. И заправлять джип тоже нужно регулярно. И на мосту мог задержаться. Итак, кто мог за неделю до Наташиного отъезда скинуть ему координаты выбранной ею гостиницы?

Запиликал ее телефон. Это был Гриша, завтрашний юбиляр, бывший однополчанин.

– Натаха! – жизнерадостно взревел он. – Ну, че? Как добралась? Как сама? К разврату и пьянке готова?

– К пьянке – как юный пионер, а насчет всего остального извини-подвинься, – отшутилась Наташа.

– Узнаю тебя, ротный! Все та же Навицкая!

В аллее появилась знакомая крупная фигура. Радуюсь небывало теплему апрелю, Алексей щеголял в "рваных" голубых джинсах и черной майке, скульптурно обтянувшей его атлетический торс и обнажающей впечатляюще накачанные руки.

– Итак, завтра в полдень точка сборки – "Пиво и Еда" у музея, – сообщил Гриша, – я абонировал там зал на спецобслуживание до полуночи. Ждем тебя, капитан!

– Здоровы гулять, – фыркнула Наташа, – уверены, что раньше под стол не попадаете? Или в салате мордами не уснете?

– Может, еще и продлим, – заржал Гриша, – есть еще порох в пороховницах! Ты в курсе, что ты язва, Натаха?

– Знаю. Это все говорят.

Алексей уже целенаправленно шел к ней, улыбаясь во весь свой белозубый рот.

Свернув разговор с Гришей, Наташа осмотрелась: успеет ли она еще куда-нибудь ретироваться. И тут же выругала себя: "Что за детский сад? Убегать и прятаться – поведение инфантильной особы. В конце концов, мы – друзья, и при встрече нужно поздороваться... А если он думает иначе, это его забота, а не моя!".

Скамейка жалобно крикнула, когда на нее опустились 125 килограммов налитых мускулов и пахло парфюмом Ralph Moeller – цитрусовый аромат с морскими нотками.

– Вот так встреча! – улыбнулся Алексей.

– И правда, – ответила Наташа, – не успела я сойти с поезда, как ты тут как тут.

– Взял отпуск, – Иноземцев вытянул могучие ноги. – Клубом можно и по дистанту поруководить, сейчас это в тренде. А на месте Ярослав ситуацию под контролем удержит, я ему доверяю. Ну и захотелось побывать в городе на другом конце света, на солнышке погреться. Ты читала путевые заметки на моем сайте и в соцсетях? Я пять дней ехал и все выкладывал.

– Извини, не заходила в интернет уже давненько. Спешила доделать до отъезда книгу и отослать ее в издательство. А как ты? Как Воркута?

– В снегу. Еще и не начал таять. Когда я уезжал, минус восемь было. Да, выправляется на глазах, – в голосе Алексея прозвучала гордость за родной город. – Я знал: она переживет и это испытание. У Воркуты воля к жизни мощная. Девяностые годы ее, конечно, подкосили, но не свалили. Жить будет.

– Да. Если есть воля к жизни – выживешь. По себе знаю.

– Я тоже.

– А как твой клуб?

– Процветает и ждет своего почетного члена, госпожу Навицкую... Ты ведь еще наше лето не видела. Это нечто... Ваши белые ночи по сравнению с нашим полярным днем – так, ни о чем!

Наташа обиделась за Петербург.

– Может и ни о чем, – резко сказала она, – а многих творческих людей вдохновляют уже более трехсот лет... Как ты доехал?

– Нормально, – Алексей еле сдержал зевок. – Извини. Джетлаг догнал, смена климатических поясов... Всегда, когда приезжаю куда-нибудь в теплые края, в первый день голова чумная. На Фредерике мне это здорово досаждало.

– Где-где? – переспросила Наташа.

– Остров Фредерика Хендрика в Новой Гвинее, – пояснил Алексей, – его еще называют Йос Сударсо, я туда ездил лет десять назад на тренинг в лагерь выживания. Милое местечко... Вместо почвы – сплошное болото, дома на сваях, ходить лучше по деревянному настилу, чтобы не увязнуть, воздух, как в бане, разогретый и влажный, "ароматы" от болот и прели еще те, от мошки не продохнуть – а я-то еще думал, что это у нас летом ее много! Ох, и гоняли нас там! – ухмыльнулся Алексей, – жесткая школа выживания в экстремальных условиях, инструкторы – звери! На всю жизнь закалка. Не все прошли полный курс, больше половины сдулись и уехали раньше. Я, как настоящий воркутинский пацан, не посрамил честь родного города, выдержал все испытания!

– В грязь лицом не ударил...

– Де-факто не раз ударял. Нас и в болота загоняли, и по лесам гоняли, мы оттуда, как комья грязи, вылезали, она была повсюду, я потом еще долго ощущал запах этой липкой

дряни на коже, даже после того, как вернулся домой. Брр, реальное ощущение было, что я от нее так и не отмылся.

Алексей помолчал, постукивая пальцами по колену.

– Да нормально доехал, – продолжал он, – ночевал в придорожных гостиницах... Все заправки на дороге пересчитал. Не думал, что мой "Найт" столько бензина жрет. Понятно, четыре с лишним тысячи кэмэ проехать – это тебе не по городу гайкать, где до любой точки пешком за полчаса дойти можно.

– А в эту гостиницу ты случайно заехал? – напрямик спросила Наташа.

Ответить ей Иноземцев не успел. В аллее появились Водоносов с каким-то обтерханным плюгавым мужичонкой. Громогласно матерясь, они обсуждали какую-то трубу, которую срочно нужно не то прочистить, не то заменить, и громыхали тяжелыми чемоданчиками, которые носят сантехники.

В сильно облагороженном виде, если отбросить изобилие нецензурных выражений, тирада Водоносова звучала бы так:

– А мне-то какое дело, что опять засорилось? Пусть меняют эту трубу, она от всего забивается, я уже устал ее чистить! Если сварщик болеет, то пусть подождут, пока он выздоровеет и приварит новую! Этой рухляди давно уже место на свалке! Бросила какая-то дурища мусор в унитаз, пусть теперь в кусты бегают по нужде, а у меня выходной, и пошли они все куда подальше!

– Эй, бро! – возмутился Алексей. – Нам-то зачем это слу-

шать на полную громкость? За базаром следите, здесь вообще-то дама! – он указал глазами на Наташу.

– А вы уши закройте, если не нравится! – не глядя, огрызнулся Водоносов.

Алексей неторопливо поднялся со скамейки:

– Что ты сказал?!

Обернувшись и смерив его взглядом, Водоносов не стал продолжать дискуссию. Сантехники спешно ретировались.

– Похоже, мускулистые красавцы в комбинезоне на голое тело, которые не только прочищают трубы, но и ублажают тоскующих красоток-домохозяек, остались только в порнофильмах, – от души рассмеялся Алексей. – А в реальности это – неопрятные горластые мужики с "лунным загаром" и лексиконом из пяти слов. И что за манера у местных – вечно орать? Когда я проезжал Ростовскую область и Кубань, то чуть не оглох на заправках и в гостиницах. Орут, даже когда спрашивают, который час, как будто иначе разговаривать в принципе не умеют. Ночевал я сегодня в симпатичном комплексе под Феодосией, возле самого моря. Утром вышел, чтобы освежиться на дорожку. И в подробностях услышал, как кто-то кому-то на парковке зеркальце сбил, а кто-то чью-то машину "запер". Очень интересно это было слушать разбуженным отдыхающим в шестом часу утра!

– Особенности южного темперамента, – развела руками Наташа, – в Питере я сама от этого отвыкла.

– Слушай, – поинтересовался Алексей, – есть ли здесь ка-

кие-нибудь магазины и точки общепита, открытые круглый год, или в этом поселке все сезонное? Я тут уже весь гостиничный комплекс обошел, и всё закрыто.

– Всё есть, – ответила Наташа, – магазинов в поселке много, выбирай любой, а неподалеку, за мостом – небольшое кафе домашней кухни. В самом деле рановато мы приехали – в комплексе вся инфраструктура только через месяц заработает, когда начнется высокий сезон. Так кто тебе "слил" мой маршрут? – настойчиво повторила она.

– Тайна, покрытая мраком, – хохотнул Алексей. – Отлично, тогда я схожу на пляж, поплаваю, а потом поищу твои домашние обеды. Я здорово проголодался с утра!

Он пружинистым шагом направился на пляж, а Наташа закурила вторую сигарету.

– Тайна, – буркнула она, – ладно, еще выясню. А пока он плавает, я как раз успею пообедать.

На мосту она увидела впереди Водоносова – "Этого только не хватало, он еще и работает в комплексе сантехником! Каждый день будет маячить перед глазами!" – с его плюгавым напарником. Мужчины возбужденно разговаривали на ходу, снова щедро пересыпая речь крепкими словечками.

– Зацени, – негодовал Водоносов, – у самой дома мужик, пацан растет... А она одна на море прикатила и мужикам глазки строит. Видал, какого амбала уже подсняла?

– А он-то умничает больно, – харкнул плюгавый, – типа, не материтесь при дамах! С понтом деловой.

– Понаехи, они все борзые. Типа, они деньги платят, угождайте им за это.

– Да пошел он...

– Ага, – согласился Водонос, – с ней вместе. Знал бы ее муж...

– Я бы свою за такое поучил, сидеть не смогла бы долго!

– Ты это, полегче. Бабы сейчас грамотные, снимет побои, заяву накатает, уголовку пришьют, как два пальца...!

– Ниче, я знаю, как правильно уработать. И следов не останется, и науку хорошо запомнит.

– Герои вы, как я погляжу, – Наташа ловко проскользнула между собеседниками, – ты, Валька, я вижу, как и раньше только с бабами воевать и умеешь. А Алеше ответить побоялся, только за глаза его на... посылаешь, когда он не слышит.

– Да пошла ты, Навицкая... Водонос захлебнулся многоступенчатой матерной тирадой.

– Там уже ты живешь, – хмыкнула Наташа.

– Что, умная самая? Давно жизни не учили? – просипел плюгавый.

– И кто меня поучит? – Наташа смерила его взглядом. – Ты, что ли?

Взглянув на ее крепкую спортивную фигуру, плюгавый только буркнул хорошо известный адрес и плюнул через перила.

– Смотри, узнает твой муж!.. – крикнул ей вслед Водоно-

сов, – будет тебе тогда!..

– О чем узнает? – обернулась Наташа. – Пей поменьше, Валька. У тебя уже реальные глюканы пошли. Видишь то, чего нет.

Она перешла через дорогу, направляясь к кафе с домашними обедами, а Водоносов с товарищем свернули в магазинчик пива, обсуждая, чего и сколько взять и чем закусить.

– И как такого умного до сих пор никто не пришиб, – буркнула Наташа, листая меню.

※

Наташа быстро взяла себе обед – грибной суп, салат из помидоров, пюре с котлетой и компот с яблочным пирожком, и прошла к свободному столику у окна. "Вот тебе и справедливость, Валька, если уж на то пошло. Я оправдана по всем статьям, настоящий преступник отбывает наказание, я издаю книги, которые неплохо продаются, и отдыхаю у моря. Ты же ковыряешься в канализационных трубах и выглядишь, уж извини, как неудачник. Пива попить в выходной – вся твоя радость, вон пузо отрастил, как арбуз, и все мечты у тебя – "поучить бабу жизни, чтобы за это ничего не было". Жаль мне тебя, дурак злопамятный, и ведь ты всех вокруг в своих неудачах винишь. Хотя виноватого должен в зеркале поискать. Сам свою жизнь пустил коту под хвост!"

Суп оказался отменно вкусным, грибы были не нарезаны мелкими кусочками, а перемяты в пюре и сдобрены сливками. Такой грибной суп Наташа ела прошлым летом в драйв-

отеле "Ладога" на границе с Карелией, где они отдыхали с Витей-старшим и Витей-Младшеньким. Наташа быстро опустила тарелку и занялась салатом, когда на свободную часть стола опустился еще один поднос. Грибной суп, гречневая каша со сразами и стакан томатного сока.

– Думаю, ты не будешь против соседства?

– Быстро же ты поплавал.

– Голод не тетка, завтракал я рано и второпях и успел проголодаться, – Алексей с опаской посмотрел на стул. – Это хрупкое творение не развалится, если я сяду?

– Не знаю. На всякий случай напряги мышцы на своей "мэри поппинс", чтобы не больно было падать.

– Я скучал по твоему острому язычку, – расплылся в улыбке Иноземцев, – кстати, дома я так и проверяю мышечный тонус: напрягаю мышцы, мне хлопают по прессу доской и, если она не сломалась, я увеличиваю нагрузки на тренировке.

– Доски переводишь? У вас в тундре это дефицит!

– Обожаю тебя, Наташка! – расхохотался Алексей и начал уплетать суп.

Желание острить дальше у Наташи пропало. Алексей виртуозно парировал ее выпады и уже успел вогнать ее в краску комплиментами. "Еще раз признается в любви, нахлобучу на него тарелку. А жаль будет переводить на него такое вкусное пюре! Да и котлета выглядит аппетитно!"

– А мне тут нравится, – Алексей доел суп и подвинул к

себе второе, – весьма уютно и готовят хорошо.

Какое-то время они молча ели. Потом заказали еще по чашке кофе и мороженому.

Из номера Наташа позвонила Уланову. Ожидая ответа, она прошлась по комфортному номеру, села у стола, достала из стопки тетрадку... Смена обстановки всегда помогала молодой женщине в творчестве; идеи приходили быстрее, и самые залихватские сюжетные ходы и линии складывались в гармоничную картину.

– Мы в суде, – сказал муж, – ты как раз вовремя позвонила, судья объявил двадцатиминутный перерыв. Ну, как? Ты уже доехала?

– Да нормально, – Наташа откинулась на спинку стула. – Не поверишь, тут почти лето. Я полдня хожу в рубашке с короткими рукавами.

– Счастливая! У нас плюс десять и морось.

– Странное время для перерыва. Форс-мажор какой-то?

– Да. Благодаря Фиме. Ты же знаешь моего босса, он умеет устраивать неприятные сюрпризы обвинению и следователям... Только что мы слушали ключевого свидетеля обвинения. Я уже упал духом, думал: ну, все, нашего клиента утопят. И вдруг встает Ефим, задает свидетелю пару вопросов, а потом шаркает в упор такую информацию об этом человеке, после которой ему не поверит даже Иванушка-дурачок.

Уланов расхохотался:

– Посмотришь видео на наших страницах, – сказал он, –

словами эту сцену не передать. Немая сцена в стиле "Ревизора", а посередине – величавый Фима. Свидетель похож на мокрую куру, прокурор с безумным видом орет "Ваша честь, я протестую!", приставы единственные сохраняют невозмутимость, но им это явно трудно, а судья шарахает молоточком по столу и рявкает: "Перерыв двадцать минут!" и улетает в совещательную комнату, чуть не прищемив дверью мантию.

– Да, Фима умеет перевернуть заседание с ног на голову, – развеселилась Наташа.

– Да, теперь свидетеля придется отвести: после Ефимовых разоблачений его показания копейки ржавой не стоят. А без него обвинение начинает сыпаться, как песочный замок на ветру.

– Интересный образ.

– У тебя набрался, моя звезда литературы!

Узнав, что Младшенький с няней Лизой вернулся из школы и занят изготовлением какой-то поделки для школьного конкурса, Наташа решила не отвлекать сынишку звонком. Разговором с мужем она была слегка недовольна: ну почему она не сказала Виктору, что приехал Алексей? Теперь, если муж узнает об этом от третьих лиц, он может подумать, будто жене есть, что скрывать. Было уже основание три года назад... Дорого же им всем тогда обошлись ее "петербургские тайны"! Надолго запомнилась наука. И вот опять она наступает на те же грабли...

Валентин Водоносков просматривал фотографии на своем телефоне: вот снимки через стекло – Наталья и белобрысый амбал восседают за столиком в кафе; парень с обаятельной улыбкой что-то рассказывает визави, и Навицкая от души хохочет; блондин собирает пустую посуду на поднос и несет к окошку мойки...

"Тьфу, подкаблучник, – сплюнул Водоносков, – за бабой тарелочки таскает! Если с ними так панькаться, они совсем берега потеряют! Баба должна знать свое место!"

Вот Наталья с качком выходят из кафе и идут в сторону площади у "кольца". Парень что-то покупает в киоске; Наталья, ожидая его, рассматривает выставленные в витрине кремы. Вот парочка возвращается к гостинице. Никаких фривольностей, ни объятий, ни поцелуев, ни прикосновений. Как будто они знают, что на них смотрят... Идут как школота. Хотя школота сейчас та еще – знают свои права, слова им не скажи, ремня по ж... не дай, и они на приволье в 10 лет его кое-чему научат. Да, маловато для топовых фото. Много хайпа не получишь. И даже муж Натальи может не повестись. Скажет: ну и что, люди встретились на побережье, вместе пообедали и сходили за покупками. А хотелось бы, чтобы он устроил своей бабе хорошую трепку. Надавал бы Наташке оплеух, а блондину разукрасил бы смазливую рожу. Эти тупые бодибилдеры только перед зеркалом мускулы надувать умеют, а дойдет до дела, сразу сдуваются, настоящей

силы в них нет, стероиды жрут, чтобы рельеф был, а силенки от этой химии не прибывает...

Водоносов так увлекся рассматриванием фото, что не заметил, как со спины к нему приблизился идущий через мост плечистый мужчина средних лет в джинсах и тельняшке.

– Але, пройти можно? – спросил крепыш. Бросил взгляд на телефон Валентина и вскинулся:

– Это кого ты нафоткал?!

– Кого надо! – Валентин спешно убрал телефон в карман. – Че подглядываешь?

– Ты, грамотей, своей жизнью занимайся, а не лезь в чужую, – сурово сказал крепыш с наколкой "ВДВ" на тыльной стороне руки. – Я тебя узнал. Будешь нашим вредить, отвечать придется!

– Не фиг мне угрожать! За это и ответить можно!

– Я тебя предупредил, – бросил ему вслед крепыш и удалился.

Водоносов снова зло плюнул через перила в речку. Братство десантников, все друг за друга, своих не бросают, за товарищей порвут! Ишь как набычился из-за этой зэчки конченной!

Он снова вспомнил унижение, пережитое на медкомиссии. Подумать только, не все буквы на таблице у глазника правильно прочитал, и уже негоден для десантных войск! Зато Наташка выпорхнула сияющая, как ясно солнышко: ее приняли. В десант, где вообще бабам не место! И зачем толь-

ко ее туда понесло? "Ясно, зачем, – думал тогда злой на весь мир Валентин, – там же столько крепких пацанов! Но что это, (залп ругани) за медкомиссия, которая мужика отсеивает, а девку принимает?!!"

Он об этом не забыл и, когда через десять лет Наташка загремела сначала со службы, а потом – в СИЗО, не поленился, скатал к следователю, кое-что поведал о Навицкой и даже был приглашен свидетелем обвинения в суд, который должен был состояться в Севастополе. Но обломался: Наташка сбежала при этапировании. Он уже мечтал, как ее через год где-нибудь в лесочке найдут или из речонки выловят, но дрянная баба опять его обломала. Она сумела выкрутиться при помощи хитрож...х адвокатов, нашли, типа, настоящего преступника, а Наташка после этого начала дюдики строчить, звездой, блин, заделалась... Ладно, он ей еще подсыплет перцу!

*

Гриша Нефедов, бывший однополчанин Наташи, с которой прослужил вместе десять лет, проводил неприязненным взглядом Водоносова. Ему ли не помнить этого гнусного типа, который в 2014 году ушат помоев на Наташу перед следователем вывернул, из штанов вылез, доказывая, какая Наташа опасная психопатка, а потом хвастался на всех углах, как он исполнил свой гражданский долг, добавил штрихов к портрету подозреваемой в особо тяжком преступлении, и как будет на суде свидетельствовать... За что он так ненавидел Наташу, Гриша не знал. Но зато он хорошо знал Наташу

и верил ей, а не этому пустоболу и собиравшемуся на суде тоже выступить на стороне защиты, чтобы опровергнуть всю ту грязь, которую будет молотить этот субъект.

"Опять какую-то гадость замышляет? С чего бы это он нафоткал Наталью? Неужели забыть не может, как его в десантуру не приняли? Радовался бы, дубина, в боевой роте ему бы живо нафитилили, мы таких не любим... Ладно, пусть только попробует на нее наезжать, я с ним тогда потолкую накоротке!"

Гриша шел в "Пиво и еду", проверить, все ли куплено на завтра, не нужно ли еще чего-нибудь. "Женщина в сорок пять – ягодка опять, – думал он, забыв о Водоносове, – а мужик в эти годы – крутой перец!"

*

Несмотря на прогулку, вкусный обед и купание в море, чувствовал себя Алексей к вечеру не лучшим образом – тело сковала вялость, голова отяжелела и побаливала, глаза слипались. И если перед Наташей он еще бодрился, то в своем номере от души зевнул и, сбросив только ботинки и рубашку, повалился прямо на неразобранную кровать. Джетлаг, последствия резкой смены поясов, настиг его и здесь. "Это у нас фамильное, – думал он, лежа с раскинутыми руками не в силах пошевелиться, – Инка тоже мучается в первый день на своих любимых югах... Интересно, как сеструха приживется в этих широтах, если на самом деле решит переехать в Сочи, как давно мечтает? Ладно... Сегодня отле-

жусь, а завтра уже адаптируюсь, как новенький буду!"

Он закрыл глаза и расслабил свое могучее тело, приказывая ему отдыхать. Конечно, кровать не похожа на его "умное" ложе в воркутинском доме, с массажными валиками. Но тоже неплохая, широкая, упругая, как раз подходящей жесткости. И номер просторный. Рассчитан, если верить сайту, на 4-6 человек. Алексей представил, что было бы, если бы здесь шарохалось еще пятеро. "Я бы взревел, как бык, уже через час. Что за совковая тенденция – напихать людей, как селедок, друг другу на головы, и отдыхайте, граждане, на здоровье, в тесноте, да не в обиде! Один храпит, другой моется раз в году, третий свои труханы и носки разбрасывает на виду! И даже на гостиничных сайтах в графе "бронирование" по умолчанию выскакивает двойка – отельеры как будто не думают, что приехать на отдых может и один человек. Одноместных номеров у многих или нет, или они самые невзрачные, словно нарочно одиноким отдыхающим создают худшие условия, ставя в приоритет пары или семьи!.."

Сам Алексей, направляясь на курорт с очередной пассивной, не скупясь оплачивал два номера. Он привык спать в одиночестве. Живы были еще воспоминания о детдомовской спальне на сорок человек и истерично орущих дежурных нянечках... Алексей с тех пор не терпел, когда в спальне кто-то еще находился. Он раздражался и просто не мог заснуть. "А напихай сюда еще пятерых, я бы точно кого-нибудь с балкона сбросил!"

Ему тут нравилось. Поодаль за окнами тихо шелестело море. В корпусе стояла блаженная тишина. Порадовало изобилие цветов и тепло – а в Воркуте снег еще только начал таять. Симпатичный уютный поселок, самое место для спокойного умиротворенного отдыха – он понимал, почему Наташа решила приехать именно сюда.

"А если кто-то вздумает нарываться, вроде этого шибздика, сантехника, я его живо на место поставлю. Дело привычное", – Алексей заснул.

*

Приготовив себе одежду для завтрашней тусовки, Наташа быстро сделала зарядку, стала под контрастный душ, около часа посмотрела по телевизору какой-то детективный сериал и в постели открыла ленту новостей на ноутбуке. Главные новости были серьезны и даже немного тревожны, а светская хроника поражала однообразием и пустотой. Актриса Семенова опять с кем-то судится из-за наследства. Писательница Митина приняла участие в кулинарном шоу и приготовила самый лучший буйабес. Ведутся поиски сбежавшего из-под домашнего ареста подозреваемого в телефонном мошенничестве Кувшинова. Телеведущая Котина разводится с мужем. Юбилей маститого продюсера ознаменовался пьяной дракой между его бывшей и нынешней женами.

Наташа зевнула и закрыла ноутбук.

– Написали бы еще, что у морской свинки певца Шляпкина родились поросята, – пробурчала она, – с приложением

ем фото счастливой мамочки и сияющего певца, или обсудили бы цвет нижнего белья балерины Лапкиной, тоже очень "важные" новости!

Она погасила свет и заснула.

И открыла глаза в изоляторе спецблока в СИЗО № 6 в Москве. Ужасное осознание того, что Петербург, писательская карьера, замужество и рождение сына были лишь сном, пронизало ее леденящим ознобом. А в реальности ей продлили срок предварительного заключения еще на два месяца и когда наконец будут разбирать дело по существу – не знает никто. Адвокатам ничего не удалось выяснить. Следователь Мальцев заученно бубнит о проделанной блестящей следственной работе и о том, что осталось выяснить еще "пару моментов". В интернете тут же пошли ехидные комментарии: "Сиди-сиди, Наташечка", "Фигово, что ей предварительное заключение в срок зачтется как день за два, раньше выйдет", и: "Ну, когда уже суд, Бабоньки на зоне ее уже заждались!".

– Да хрен вам!!! – заорала Наташа.

И проснулась.

В окно номера светила луна. Доносился голос какой-то ночной птицы, упрямо повторяющей: "Курлы! Курлы!". Шелестело море. В приоткрытую фрамугу залетал аромат роз.

"Так, – Наташа спустила ноги на пол, – опять тюрьма приснилась. Хреновая примета. Как правило, это предвестник какого-то несчастья!"

Она натянула джинсы и рубашку и вышла с сигаретами из номера. В корпусе неподалеку горел свет в одном из окон, освещающая стоящую на балконе полуобнаженную атлетическую фигуру облокотившегося на перила человека... "Тоже не спится, Алексей-Алешенька? Только не смотри в мою сторону. Не запоминай, в какую дверь я вернусь... Посчитай овец; выпей мятного чаю. Только не смотри на меня... Не нужно!"

*

Алексей проснулся рано утром, бодрый и веселый, без всяких следов джетлага. Ему всегда помогал хороший здоровый сон – семь-восемь часов, и как новенький. Приведя себя в порядок, Иноземцев захватил кое-какие гимнастические снаряды из сумки и бодро направился на берег моря. В Воркуте он предпочитал тренироваться во внутреннем двореке под навесом. И, только когда пуржило или приходили самые трескучие морозы, нехотя перебирался на какое-то время в крытый спортзал. Поддерживать свое тело в идеальной форме было непросто, но результат радовал, и Алексей не пропускал ни одного дня.

На пустом затихшем берегу, залитом розовым рассветным солнечным светом, он увидел фигуру, завернувшуюся в полотенце; женщина переодевалась после купания. Алексей деликатно отвел глаза... и тут увидел на песке знакомую ветровку. Конечно, это Наташа, кто бы еще пошел купаться в 6 часов утра!

Ночью он просыпался – в номере показалось душновато,

и Алексей вышел проветриться на балкон, и ему показалось, что возле одной из розовых клумб он видит знакомую фигуру с сигаретой. Фонарь раскачивался на ветру и на мгновение осветил ее лицо – знакомый лоб, скулы, глаза. В осанке, линии плеч, движениях Алексей тоже узнал Наташу. "Как наваждение, – подумал он, борясь с искушением посмотреть, в какую сторону пойдет женщина, докурив. – Девки на меня гроздьями вешаются, выбирай любую, а меня заклинило на женщине, которой я до лампочки! Или это просто незавершенный гештальт: она единственная, кого я не смог уговорить, вот и не могу забыть?"

Алексей был неглуп и умел мыслить объективно, несмотря на все свое самолюбование. "Просто она тогда от меня ускользнула. Вот это и не дает мне покоя", – он вернулся в номер и снова заснул. А теперь встретил ее на пляже. И, выполняя сложный комплекс упражнений, поглядывал на нее. Заметила ли она его? Стоит ли подойти и заговорить?

– Привет, – сказала Наташа, заправляя рубашку "поло" под пояс джинсов. – Ну, как? Джетлаг прошел? Ты уже лучше выглядишь!

Алексей, закончив серию отжиманий с хлопком в ладоши, пружинисто оттолкнулся от коврика, легко поднялся и ответил:

– Да нормально. Какие новости? Ханзер илен? ("Как дела?" – ненецкий).

Откуда-то издалека донеслись завывания магнитофона,

что-то сентиментальное о прекрасных девушках и белых лебедях и разухабистые голоса загулявшей компании.

– Кто как встречает утро, – заметила Наташа и села на свою ветровку, чтобы зашнуровать ботинки, – кто кофе пьет, кто зарядку делает, а кто-то квасит... Новостей негусто: Семенова опять судится, Кувшинова днем с фонарем ищут, у Кириянова на банкете две жены подрались.

– Семенова? – Алексей посмотрел на идеально ровное, как зеркало, море и стянул тугую спортивную майку. – А это кто?

– Вау, какой пассаж! – прыснула Наташа, – она-то думает, что ее знает вся страна. Да актриса, комическая, то разводится, то делит наследство, и это тема номер один в светской хронике. Иногда известие о чрезвычайной ситуации или очередном международном кризисе идет второй строкой после мадам Семеновой.

– Такое не читаю, – Алексей, зацепив ногой за ногу, скинул кроссовки, – кто на ком женится, кто разводится, кто собачек заводит... Неинтересно мне это. И "звезд" многих я не знаю. Нынешний юмор меня не втыкает.

– Кто в армии служил, тот в цирке не смеется?

– Вот именно. Иногда я посмотрю или послушаю фрагмент какой-нибудь "юморины" и недоумеваю: и над чем зал смеется? Может, это я тупой? – оставшись в одних плавках, Алексей потянулся, широко раскинув руки.

– Прямо Атлант, – заметила Наташа, скрестив ноги по-

турецки. – Хорош!

– Я стараюсь. Тут мазута нет? А то вроде припахивает.

– Это чуть дальше. Здесь иди спокойно. Знаешь, я тебя понимаю. Сама весной 2020-го плевалась, читая странички юмора в газетах, думала: или они считают читателей дураками, которым и такое сойдет, или на самом деле считают, что ЭТО смешно, про ошалевшего от безделья "сознательного гражданина", красотку в одной маске, бэби-бум через 9 месяцев и собачку из коммуналки, которую выгуливают все жильцы по очереди...

– А теплое у вас море, – Алексей уже стоял по щиколотку в воде. – У нас река только посередине протаяла, у берегов еще держится лед, а тут – молоко парное!

Он нырнул и появился только метрах в ста от берега.

– Ууууух, хорошооооо! – проорал он.

Пока Алексей плавал, Наташа закурила, сидя на куртке. Магнитофон и хмельные голоса теперь звучали где-то поближе; наверное, в частном секторе у моста. Кто-то заорал на гуляк, посылая по известному адресу.

"Мало кто из местных жаждет в полседьмого слушать всякое музло, под которое только после третьей бутылки рыдать хорошо!"

По берегу прохаживался какой-то вихрастый долговязый паренек в круглых очках, подставляя лицо солнцу. Издалека он показался Наташе подростком лет шестнадцати. Но вблизи было видно, что четверть века ему уже исполнилось.

– Заряжаетесь энергией солнца? – улыбнулся он Наташе.

– Нет, просто ходила поплавать перед завтраком.

– Правильно. Вы пришли как раз, когда море пробуждается после ночи и оно поделилось с вами радостью нового дня. Вижу, настроение у вас сразу улучшилось? – поинтересовался парнишка. – О, вижу, еще кто-то проникается радостью рассветного моря!

– Улучшилось, – Наташе показался забавным этот молоденький чудик.

– И день ваш будет таким же светлым и радостным, – паренек помахал рукой выходящему из воды Алексею и размеренной походкой зашагал дальше.

– Это кто? – спросил Алексей, вытаскивая из сумки полотенце.

– Один из adeптов единения с природой, наверное. Что-то говорил мне про солнечную энергию и радость утреннего моря.

– К нам бы его, в пургу, там пусть соединяется с природой, – фыркнул Алексей, жестко растираясь полотенцем, – делать людям нечего!

– Ты через пургу на своем "Найте" чешешь и в ус не дуешь, – заметила Наташа.

– Какие планы на день?

– В полдень встреча с армейскими друзьями. У одного парня юбилей.

– Ааа, понятно, давай за вас, давай за нас, и за десант, и

за спецназ. Респект, – Алексей обернулся полотенцем, чтобы переодеться, – только одна просьба: кирпичи об голову не бей, она тебе еще пригодится – книги писать. Твоя "Метель на Тимане" стала книгой № 1 по итогам года в Воркуте. Первый завоз за две недели усвистел, еще два раза докупали, пока все желающие отоварились.

– Ладно. Буду разбивать ребром ладони, – улыбнулась Наташа. – Правой. Я левша.

– Заметано, – Алексей заправил майку в брюки, натянул кроссовки, закинул на плечо сумку. – Ручку, мадам или еще повпытываешь солнечную энергию?

– Пойдем. Сейчас мне нужна энергия кофе.

– Согласен. Единение с природой – это отлично, но эспresso звучит лучше!

*

Встреча армейских друзей была веселой и шумной. Маленький банкетный зал в бывшей аптеке напротив усадьбы-музея наполнился музыкой, смехом и громкими голосами гостей. Виновника торжества таскали за уши все наперебой и порывались качать. "Уроните же, – со смехом сопротивлялся Гриша, – во мне все сто десять, куда?!" "Уроним – соберем!" – отвечали друзья. Появление Наташи встретили радостным воплем.

– И давно же мы вот так классно не сидели! – восклицал Гриша на первом перекуре. – А, мужики?

Он еще служил в армии. С ним – Петя, Гена и Антон. Ва-

ня и Максим на "гражданке" устроились в частное охранное предприятие. Рома работал инкассатором. У Степана был небольшой магазинчик медтехники. Дима загадочно сказал, что служит в "частной структуре". О Наташиных успехах все знали без слов.

– Знаменитость наша, – шумел Гриша, – эх, гоняли нас по плацу летом в зимней снаряге и марш-бросок в противогазах устраивали, и не зря, вон какую писательницу воспитали!

На втором перекуре Рома по традиции признался Наташе в любви, и она рассмеялась:

– Не надоело тебе? Еще с учебки заладил.

На третьем перекуре Наташе сделал предложение Петя.

– Щас, вот только шнурки наглажу, – привычно отшутилась она.

Дима, которого в учебке часто дразнили "чушпаном" за его интеллигентные манеры мальчика из хорошей семьи, сейчас вполне выдерживал принятый в армии тон.

– А помните, как старшина тех, кто заспался на побудке, кирзаком под зад с койки сшибал?

– А марш-бросок на Арабатке?

– А взводника Егорова помните?

– Во ржака!

– А комбата нашего?

– Во был человечиче!

– Почему "был"? Он еще молодцом. На пенсии правда, сторожем подрабатывает, у него муха не пролетит!

Наташа участвовала в разговорах, шутила, смеялась. И запоздало устыдилась: что же она 10 лет после отставки так ни разу не написала и не позвонила комбату Мелешко, под командованием которого отслужила те же десять лет? И он еще собирался выступать свидетелем защиты на суде... "Надо позвонить..."

Около пяти вечера они вышли на очередной перекур уже очень шумной компанией. Дима почему-то дотошно выспрашивал у Наташи, почему она пишет именно детективы.

– Это надо самой в органах работать, – бубнил он, – чтобы всю матчасть знать и ошибок не делать, а то у тебя, уж извини, то тут, то там "обезьяны" выскакивают...

– Я же не учебник по криминологии пишу, – ответила Наташа, – а художественное произведение, где допустимы погрешности в пределах нормы...

– И в жизни так не бывает, чтобы все так бравурно заканчивалось: ура, наши победили, всем ордена на пузо и пир горой, а все плохиши наказаны... Ну не бывает так, чтобы большого бизнера или "мажора" мазаного по полной осудили и чтобы простая военная всех приплющила...

– В жизни много несправедливости, – резко ответила Наташа, – и я хочу, чтобы хоть в литературе все заканчивалось хорошо и злодей не хихикал злорадно: "Как я классно выкрутился!", а шел в автозак, отбывать наказание!

– Ты, Наташенька, утопистка, – потрепал ее по плечу Дима, – да кто в такое фэнтези поверит? "Мажора" родители

отмажут, бизнер всем бабла занесет и связи свои задействует, и ничего им не будет, а твоя Катя Савская наоборот может во всем виноватой оказаться.

– Пару лет назад в Ходжа-Сала, – заметила Наташа, – парочка мошенников тоже думала, что до них никто не доберется, они всех перехитрили и ничего им не будет, а до них добралась одна из их жертв... Громкое дело было, ты должен был слышать... И это правда, ни слова не придумано, я сама за этой историей наблюдала. И в жизни всяко бывает, Дима, за все рано или поздно отвечать приходится, несмотря на все деньги, связи, юристов и хитрость.

– Многобукафф, Нати, – снисходительно улыбнулся Дмитрий, – а по сути – белый шум. Это частность, нет правил без исключений. Не выдавай ее за систему. Да и чего твоей героини все боятся? Только она кулачком погрозит, все ее пугаются и колются до самой задницы. А на самом деле дали бы ей уже по голове или заявление в прокуратуру отнесли, и с нее взяли бы штраф, а то и привлекли за угрозы и оскорбления...

– Димас! Харэ бухтеть! – гаркнул Петя. – Не нравится, не читай, никто не заставляет!

– Нет, я же могу, как читатель, выразить свое мнение...

– Брюжишь, как дедуган,, – заметил Степа, – то не так, это не так... Наташка же не документалку пишет, да и правда, хочется, чтобы хоть в книгах справедливость восторжествовала, реализма нам и в жизни хватает.

– По голове дали, заяву подали, – подхватил Антон, – что в жизни бывает, мы сами знаем, а в детективах хочется хэппи-энда!

Наташа вполуха слушала, как Дима что-то примирительно бубнит, и вспомнила, что он и в армии был таким дотошным занудой, который цеплялся за какую-то деталь и доводил всех до исступления своим бубнежом... Как правило, заканчивалось это крепким "посылом в пеший тур" или взащеиной; ребята в десанте не любили занудства. А однажды Дима начал приударять за Наташей, твердо уверенный в том, что она будет в восторге от такого кавалера. Но, как и все, потерпел неудачу: "Я в армию не за ЭТИМ пришла!".

"Неужели тоже обиду затаил, как Валька, вот и развел критику? Господи, ну вы даете, парни. Один четверть века забыть не может, как я ему рожу начистила, второй двадцать лет обижается за то, что его, такого классного, баба отшила! Детский сад, штаны на лямках!"

– Дим, – сказала она, – ты и пиши "как правильно", а я – как пишется. Встретимся у кассы. Посмотрим, что больше понравится: мое "фэнтези", или твой "реализм". Ладно? Или ты только ругаться умеешь, а сам ничего не можешь?

Дима не успел ответить. Налетевший откуда-то со стороны винного магазина на горке Валентин Водоносов неожиданным толчком в спину сшиб его на газон.

– Ах, ты... – сантехник разразился витиеватым матом, – я же говорил, еще встретимся! Что, не помнишь меня, урод?!

Слоняясь по аллеям "Любоморья, Алексей Иноземцев уже сожалел о своей поспешности. Вот так сел за руль и поехал на другой конец Земли, а зачем? Ради лишней тысячи лайков на своей странице? "Тоже мне Поехавший, только собаки не хватает, и поездкам задницу не показывал... У Натальи тут свое кино, а я болтаюсь, как... — он махнул рукой. — Ну, природа, весна, розы цветут, в апреле жара, морем любовался, впечатлился и что дальше? То-то Сбарский на меня как на психа смотрел, когда я отдавал ему распоряжения!"

Алексей усилием воли отогнал от себя эти мысли. Он априори не может ошибаться потому, что всегда все делает правильно. Просто у него продолжается дезадаптация, только на этот раз она сказывается в угнетенном настроении, отсюда и мрачные мысли.

Алексей поддал ногой камешек и посмотрел на часы. Все-го-то четыре часа пополудни, времени еще навалом. Дома он нашел бы, чем себя занять; хозяину такого бизнеса некогда скучать, а тут не знает, куда себя деть. "Давно не ездил на отдых... и обычно я езжу не один, вот с непривычки и кажется, что я дурака свалял..."

— Извините... А когда откроется столовая?

Вихрастый чудила с пляжа топтался у крыльца корпуса с таким растерянным видом, что Алексей чуть не рассмеялся. И дурное настроение немного поутихло.

— В мае, не раньше, так мне сказали, — ответил он.

– В мае? – паренек поднял на лоб очки и растерянно захлопал глазами. – Вот незадача, я думал, что если уже людей заселяют, то и столовая работает.

– Я тоже так думал.

– А где же тут питаться, а? – почесал лохматый затылок очкарик. – Может, вы, как старожил, подскажите? Вы давно здесь?

– Второй день. Там, за мостом, есть кафе с домашней кухней, кормят неплохо. То ли "Два летчика", то ли "Два пилота"... А в той стороне магазины.

– Спасибо, – заулыбался парень, – я вчера вечером приехал, с утра запасы дорожные доел, хватать, а тут и столовая закрыта, и магазины на территории еще не работают. Вот история, а? Я прямо как в той книжке, человек исторический. Потому, что вечно в истории попадаю... Пойду, попробую домашнюю кухню. Спасибо еще раз!

Проводив взглядом парня, идущего к воротам, Алексей постоял немного и пошел следом. В своих шатаниях по городку он пропустил обед, и сейчас ощутил приступы голода. "А потом погуляю в поселке. Посмотрю на его повседневную жизнь. Это любопытно..."

"А заодно и Наталью увидишь?" – хихикнул в его голове ехидный голосок, похожий на голос младшей сестры Инги, особы язвительной и острой на язык. "Отвянь, – мысленно ответил ей Алексей, – это ты у нас личность историческая в том смысле, что вечно в истории влипаешь из-за своих лю-

бовных приключений... Ну, вот, нахватался от этого чудика его лексики!".

Несмотря на частые пикировки, имеющие место и в реальности, Алексей и Инга хорошо ладили между собой, хоть и встретились впервые уже взрослыми людьми несколько лет назад. Оба – отказные дети, не нужные беспутной матери. И до тридцати лет Алексей считал, что он один во всем мире и рассчитывать может только на себя. А потом оказалось, что у него есть сестра и племянник и Иноземцев теперь знал, что он не одинок. Правда, сестру время от времени приходится выручать – по-житейски неглупая, цепкая и практичная Инга в любовных делах парадоксальным образом глупеет при виде какой-нибудь смазливой рожи очередного "лямура". В прошлом году вообще чудом жива осталась...

*

Белла Измайлова влетела в кабинет мужа, не сняв даже куртку, и Ефим удивленно поднял голову. Что могло так вывести из равновесия его жену на прогулке по набережной с их дочерью неполных трех лет? А Белла, судя по всему, рассержена не на шутку, вон как глазами сверкает.

– Ты мог бы лучше думать головой, ЧТО ты говоришь при ребенке?! – с порога заорала она. – Таша уже не младенец, речь у нее развита хорошо и память – тоже!

– Ну, душой ей быть не в кого, – Ефим с хрустом потянулся. – Белка, я сейчас по скайпу со следователем разговаривал. Погавкались, как два барбоса. Они там сейчас из-

за Кувшинова все на ушах стоят. Рады-радехоньки, утырки: Коган сплоховал, впору из штанов выскочить от счастья... А что случилось?

— Помнишь тот роман Устиновой и Астахова, где дано подробное описание "прогрессивной" свадьбы в джинсах и парочка пинков приверженцам традиций? — сбавила тон Белла. — Мы тогда еще гуляли под впечатлением от прочитанного; ты увидел возле загса похожую пару и очень едко откомментировал и их, и роман?

— Роман, кстати, много не потерял бы без этого пространного описания джинсов и белых рубашек молодоженов и ковбоек их гостей, — махнул рукой Коган, — я притомился читать, как героиня категорически не хочет традиционной свадьбы, как классно она смотрелась в беленькой рубашечке, а ее жених — в косухе... и мне обидно было прочесть, что традиционные женихи и невесты выглядят "скучно и банально". В конце концов, это право выбора — женитесь вы хоть в мешках из-под картошки, только зачем оскорблять тех, у кого другие вкусы? Вот у нас свадьба была, — он растроганно улыбнулся, — помню, какое на тебе было платье, как белое облако, ты мне казалась сказочной принцессой. Я смотрел, как ты ко мне по ступенькам поднимаешься, и от счастья хотелось заорать на всю Неву: это моя невеста, это я женюсь на этой красавице! И тут мне любимые писатели такую оплеуху отвешивают: это скучно, банально, надо было парусиновые штаны и рубашонку простецкую напялить и вечером сосе-

дей пригласить картофана со сковородочки откусать и рюмашку водки выпить, вот это было бы задержись, как прогрессивно!

– Цыганская принцесса, – усмехнулась Белла; гнев ее уже заметно утих. Она села на подлокотник дивана, постукивая изящной ножкой по ковру и накручивая на палец прядку вьющихся смоляных волос. – Знаю, что ты меня сейчас просто "гасишь", чтобы я тебя на месте не убила, но все равно приятно, что нашу свадьбу ты вспоминаешь с такой теплой улыбкой. Но все же выбирай выражения, когда при Ташке что-то обсуждаешь. Она ведь все на лету схватывает и потом цитирует, как правило в самый неподходящий момент.

– А что случилось-то?

– Мы шли мимо загса на Английской...

– А, мы там тоже брачевались!

– Угу... Так вот, туда как раз подвалила одна свадьба – тоже, наверное, Устинову и Астахова читали, концепцию у них шпионерили, все в джинсовых костюмах, на самокатах, невеста – в голубом с пайетками, жених – в сером с заклепками, остальные – в традиционных джинсах...

– Хоть бы в ЗАГС № 1 не ломились в своих пастушеских штанах, – фыркнул Ефим, – джинсы вообще-то изначально коровьи пастухи носили, кстати, мужественное "ковбой" так и переводится – "парень с коровами". Могли бы где-то в Рыбачком или Мурино расписаться в своих заклепках и на самокатиках! Так нет, в исторический центр поперлись выёжи-

ваться, прогрессисты!..

– Во-от! – сверкнула глазами Белла. – Ты что-то подобное и в прошлый раз сказанул, а у малой ушки на макушке... Сейчас я тихонько сказала: "Ну вот, опять продвинутые пришли!", а она своим звонким голоском на всю набережную выдает: "Виёзиваются, как малтыски, смотьеть смесь-но, утылки!" На меня все уставились, какая-то дородная мадам в голубых скинни даже зашипела, что "раньше детей воспитывали, а сейчас только рожают", а я не знала, то ли выдать ей в ответ по первое число, чтобы с самоката свалилась толстой задницей в лужу, то ли объяснять дочке, что есть вещи, о которых громко не говорят, и что папа не всегда бывает прав... Ну, чего ты ржешь?!

Коган от души хохотал, хлопая ладонями по столу.

– Зато будет, что вспомнить на золотой свадьбе, если дотерпят, – веселился он, – жаль, я не видел – прикатали в ЗАГС № 1 с таким пафосом, в джинсятах, на самокатах, думали, что так круто смотрятся и что все на них глазеют, разинув рот, а тут какая-то малявка с небес на землю спустила! Ай, молодец, Ташка! Да я ее за это завтра в Зоопарк поведу, на пони покатаю и сладкой ваты двойную порцию куплю!

– Избалуеть тебе ребенка, – нахмурилась Белла, – я, конечно, за словом в карман не полезла, растолковала этой тетке, что стоя на самокате в джинсах, похожих на колготки, и на два размера меньше, чем надо бы, не должна делать за-

мечания другим, а Ташке всю дорогу объясняла, что такие выражения повторять нельзя, или хотя бы говорить тихо. А ты ее еще и поощряешь на дальнейшие перлы!

– Да не поощряю, а просто она меня рассмешила, – ответил Коган, – настроение улучшила, а то я зол был, как тюремная овчарка...

– Что такое? – нахмурилась Белла, которая умела в нужный момент быстро справляться с эмоциями и перестраиваться на деловой лад. – Ты говорил со следователем по делу Кувшинова?

– Говорил, toyznt shtn (Тысяча чертей! – пер. с идиш. / прим. автора/)! Прет буром, утырок: вы, мол, добились смелых меры пресечения, доказывали, что он никуда не денется, а он возьми и убеги! Стрелки переводит, ж...дыр, сами его прозевали, ушел из-под носа, и нет бы своих топтунов вздрючить, чтобы не считали ворон на работе, вешают всех собак на адвокатов! Это я, значит, должен был Кувшинова караулить, за ручку водить, бумажку в сортире отматывать и спать рядом на коврике вместо собачки, чтобы не сбежал...

Ефим раздул ноздри, стискивая огромные кулаки.

– Ну да, – кивнула Белла, – зачем бросать тень на свое окружение, надирать кому-то задницы, когда можно грамотно найти крайнего и устроить ему показательную порку? А на тебя у них всех давний зуб.

– Целая пасть зубов, крокодил обзавидуется, – самодовольно улыбнулся Коган, – я их заставляю работать, на кри-

вой козе проехать не даю. Мне сказали: следователи уже друг другу говорят так: "Дело в суд надо готовить так, чтобы даже Коган не придрался!". Какова репутация, а, Белка? А Кувшинов-то! Сволочь, так нас подставить!

– Тебе не кажется, – Белла встала, цапнула сигарету из пачки мужа и закурила.

– Крепковаты будут, – предостерег ее Ефим.

– Бабушка всю жизнь курила "Беломор" и "Кэптен", самые крепкие, покруче твоего "Житана" будут!

Бабушка Беллы по отцовской линии была таборной цыганкой. От нее внучка унаследовала яркую экзотическую красоту: роскошные выющиеся волосы, смуглую кожу и огромные черные глаза. Взрывоопасный темперамент тоже передался Белле от бабушки. Еще на прежней работе Беллу прозвали "Авадакедавра". А прозвище "Лестрейндж" приросло к ней после премьеры в Петербурге фильма "Гарри Поттер и Орден Феникса". Многие друзья Измайловой сочли, что Белла не только внешне, но и своим бурным нравом очень напоминает одну из волшебниц потеррианы.

– Наташка тоже убегала из-под стражи, – Ефим тоже закурил, включив вытяжку, – чтобы доказать свою невиновность.

– Там другой случай, Фима... От нее ждали, что она не захочет получать ни за что "четвертак" и сдаст им Вальтера, вот и кошмарили. Приговор был заранее подписан. А против Кувшинова никто дело не сочинял, его взяли с поличным, когда он принимал от подельника деньги, полученные

у очередной жертвы "на выкуп сына из полиции за то, что он подрался с сотрудниками ГИБДД" и обсуждал с ним следующую разработку... И ведь клялся, что это был единичный случай, – мрачно сказала Белла, – слезно уверял, что "бес попутал", что срочно нужны были деньги, чтобы помочь брату погасить долги в микрозайме, а то его уже крепко взяли в оборот коллекторы...

– А мы еще не верили следователю, который говорил, что Кувшинов уже четвертый месяц промышляет, дюжину эпизодов уже отработал, на несколько лямов обтряс доверчивых граждан! – гаркнул Ефим, – таким ягненочком без вины виноватым прикинулся, даже я поверил!

– Что ты собираешься делать? – спросила Белла.

– Найти его! – Ефим крепко припечатал кулак к столешнице. – Не люблю быть обманутым. И ненавижу, когда меня какой-то дрищ возит мордой об стол, как мальчишку! Ты бы слышала, как этот сопляк, следователь, мне выговаривал! Рад, что по скайпу – небось, если бы лицом к лицу сидел, интонации бы поубавил! Найду гаденыша, за бейцалы к следователю притащу... И пусть других адвокатов себе ищет, *zindiker idiut* (чертов подонок – пер. с идиш /прим. автора/)! Извини, Белка.

За дверью раздался топот маленьких ножек, и в кабинет ворвалась Таша Коган, которой в августе должно было исполниться три года – точная копия матери, но с отцовским носом и его же упрямым подбородком.

– Папа! – с порога воскликнула она. Повела носом. Сморщилась. – Фу!

Белла торопливо пульнула окурок в камин. Ефим увеличил мощность вытяжки и отправил следом свой окурок.

– Может и фу, – сказал он, подхватив дочку на руки, – только папа без этого фу уже свихнулся бы.

Таша уютно устроилась на руке отца, как на скамейке, и затараторила на уморительном языке, рассказывая о прогулке, о свадьбе на Английской набережной и о том, как какая-то "тойстая тетя" рассердилась на маму.

– Тетя – дура, – убежденно ответил Ефим, – не знает статью 29 государственной Конституции, согласно которой каждый имеет право на свободное выражение своих мнений и впечатлений. Так что пусть свои сердитки засунет себе...

Белла выразительно закашляла.

– В карман! – заключил Коган.

– Тетя дула! – обрадованно подхватила Таша. – Тетя дула!

– Фима! – Белла притворялась сердитой, но уже давилась смехом. – Ты чему ребенка учишь?! Она теперь всех обзывать начнет!

– А разве я не прав? – Ефим нежно погладил пышные черные кудряшки дочери. – Разве ты сама так не думаешь? И разве плохо, что я учу ребенка говорить правду?

– Говоить пьядву! – повторила Таша. – Пьядву!

– Вот и молодое поколение со мной согласна, – Ефим поцеловал Ташу в макушку.

– Вечно ты извернешься и поддержку себе найдешь!
– Поработай с мое адвокатом, тоже так научишься!
– Поаботай авокатом, – важно сказала Таша, уцепившись за отцовский галстук. – В хаадийнике тозе авокато. Мама его на узын кусает.

– Ну-у, пупс, – Ефим встал, уместив дочь на плече, – адвокат и авокадо все же разные вещи, давай я тебе в двух словах объясню ключевые различия...

*

Сказалась десантная выучка – участники пиршества опомнились от неожиданности почти мгновенно.

– Так, бро, потише! – Гриша перехватил рвущегося к Диме Водоносова. Петя и Степа встали рядом, разделяя противников. – Ты чего развыступался?

– Того! – Водоносов крепко выругался. – У него спросите! С кем бухаете, оладухи, знаете?!

– Мало мы тебя в прошлый раз поучили! – Дима поднялся с газона, отряхнул брюки. – Смотри, чтоб в другой раз вообще рога не поотшибали! – ловко проскользнув между Гришей, Петей и Степой, он достал Водоносова кулаком в солнечное сплетение. Валентин попятился, пытаясь глотнуть воздуха, потерял равновесие, завалился. Рывкнула сигналом машина; ругнулся из окна шофер.

Дима рванулся, чтобы пнуть сантехника. Наташа перехватила его:

– Ты тоже остынь! Лежачего не бьют!

– А это его специальность, – неожиданно спокойно ответил Водонос, поднимаясь с асфальта. – И лежачих бить, и за жабры хватать, и всех приплющивать, и последние штаны с человека сдирать. А вы с ним за одним столом сидите! С кем квашишь, Навицкая?! Впрочем, – он кое-как утвердился на дрожащих ногах, – чего еще от тебя ждать, все вы, бабы, по жизни... – он снова выругался.

– Не суди по своим помойным впечатлениям... – начала, было, Наташа. Но тут со стороны музея стремительным шагом приблизился Алексей Иноземцев. По его застывшему в гримасе ярости лицу и побелевшим глазам Наташа поняла, что он услышал слова Водоносова и взбешен до предела.

– Ты что сказал, м...ла с Нижнего Тагила?! – заорал он.

Водонос попятился от разъяренного белокурого атлета и весьма неавантжно припустился бежать.

– Попадешься мне еще раз, мажь лоб зеленкой (в уголовном жаргоне – угроза убийством /прим. автора/)! – крикнул ему вслед Алексей. – Я тебе башку сорву и в болоте утоплю!

– А что, простите, случилось? – спросил, догнав его, вихрастый паренек с пляжа.

– Да гражданин один нарывался, нарывался, и нарвался, – ответил Гриша.

– Мы тут магазин ищем, – замялся вихрастый, – трикотаж там, всякое такое... Носки надо купить. Правильно идем?

Гриша объяснил им, как пройти к магазину. А Наташа прищурилась на Диму:

– Кстати, Димыч, колись теперь, что это у тебя за работа?..
О чем Водонос говорил?

*

Любитель солнечной энергии оказался уроженцем Россосши. По дороге в магазин он увлеченно рассказывал Алексею о своем городе. Пчеловодство, шерстяные изделия, копченая рыба – вот чем славится Россосшь. Федя, так звали нового знакомого, болтал без умолку. Алексей сам недавно проезжал Россосшь на машине и видел киоски, где в витринах выстроились баночки в виде смешных медвежат в шляпках и кепочках – желтые, белые, розовые, коричневые – целая медовая палитра. Он больше слушал, чем говорил, изредка только кивая и произнося "Угу, да, ух, ты, понятно". Как ни странно, этот словоохотливый чудик не раздражал, а скорее забавлял Иноземцева.

Магазин расположился на первом этаже продолговатого двухэтажного здания. Увидев в окнах второго этажа тюлевые занавески, Алексей предположил, что на втором этаже находится гостиница, хостел или общежитие.

... Да, когда-то и он жил в общеаге после детдома, да не в одной. ПТУ, спортивная школа, выездные соревнования... И везде они одинаковы: пять-семь соседей в комнате, все друг у друга на виду, все в курсе, что ты ел на завтрак и в каком месте у тебя прохудились носки. Как его это доставало! В результате Алексей уже был близок к тому, чтобы вместо "привета" посылать всех по известному адресу или вмазать

кому-нибудь из соседей по морде.

Начав выходить на гладиаторскую арену и получив первые деньги, Иноземцев тут же перебрался в гостиницу, в одноместный номер. Заперев за собой дверь, он прошелся по комнате, подвигал шторы и ощутил себя на верху блаженства: наконец-то он один! Никто не храпит на соседней койке, не шарохается мимо с чайником или сковородкой и не лезет с дурацкими разговорами о футболе, телках и прочей мутне. Впервые двадцатилетний Алексей ощущал себя счастливым.

А кто-то вполне обходится общагой, – Алексей увидел, как со стороны внутреннего двора к магазину подходит молодая, но сильно располневшая женщина с коляской и цепляющимися за подол двумя карапузами лет 4-5.

"Живут друг у друга на головах и еще размножаются!" – изумился он.

Молодая мать во все глаза уставилась на белокурого атлета в узких черных джинсах и футболке, скульптурно обтянувшей роскошный рельеф; на его обнаженные мускулистые руки и "кубики" на животе и тоскливо подумала, что ее мужу далеко до этого парня. Как и ей – до тех девушек, которых, наверное, предпочитает этот загорелый в апреле красавец.

В сравнительно небольшом магазине ассортимент оказался весьма разнообразным. Продукты, бытовая химия, товары для дома, трикотаж, детские игрушки... "Как в наших мини-маркетах, – подумал Алексей, пока Федор выбирал носки. –

Постарались все предусмотреть, чтобы человек мог купить товары первой необходимости, далеко не отходя от дома, а то зимой в пургу можно и потеряться..."

Он чуть не фыркнул вслух, когда рубенсовская красавица остановилась рядом с Федей и начала придирчиво перебирать нижнее белье, по размерам напоминавшее парашюты. "Провинциальная непосредственность! Стоит рядом с незнакомым мужчиной и ощупывает исподнее!" – он отошел, купив себе пену для бритья.

Проходя на обратном пути мимо "Пиво – Еды", Алексей подумал, что Наташа, видимо, еще веселится с друзьями на юбилее своего армейского товарища. Она говорила, что именинник арендовал банкетный зал до полуночи. И стиснул кулаки. Жаль, что он не успел дать в морду этому хаму, распустившему язык. "Скотина, ты, наверное, порядочных женщин не встречал в своей убогой жизни, всю жизнь в грязи хрюкаешь и всех меришь по своим грязным стандартам!"

– А кто это был? – спросил Федор, словно прочитав его мысли. – Тот человек, на которого вы накричали?

– Да так, – буркнул Алексей, – полудурок один, уже не в первый раз нарываясь. И ведь нарвется когда-нибудь, – он прибавил шаг. Федор спешно затрусил за ним, чтобы не отстать.

*

А в банкетном зале в это время происходил совсем не веселый разговор.

– Так ты что, – укоризненно смотрел на Дмитрия Гриша, – долги выбиваешь, что ли?

– Выколачиваешь, значит? – подхватил Максим. – За жабры хватаешь и проценты с выбитого получаешь?

– У подруги жены сын 19 лет взял микрозайм, – припомнил Антон, – балбес малолетний, вздумал себе гироскутер купить... Так приходили к ним в подъезд здоровенные лбы, чуть дверь квартиры не вышибли; бабушку 86-летнюю до гипертонического криза напугали...

– Вот для чего тебе прежние навыки пригодились, Дима, – покачала головой Наташа, – а как же твои интеллигентные манеры, раньше ты морщился даже когда кто-то говорил "блин". А сейчас ты, значит, сменил тональность? Наверное, очень крутым себя при этом чувствуешь?

Вокруг Дмитрия словно образовался вакуум. Все его сторонились. И в этом пустом пространстве, среди недружелюбных взглядов прежних армейских товарищей и соседей за столом он чувствовал себя очень некомфортно.

Выяснилось, что "частная структура", в которой работает Дима – это фирма, занимающаяся взысканием долгов. Ее сотрудники получали процент от суммы, взыскиваемой с должника, и поэтому очень старались.

– Нет, ну а что? – обозлился Дима. – Чего вы, как от прокаженного, шарахнулись? Как будто я закладки делаю или телок в сауну вожу! Вы что, не согласны, что долги отдавать надо вовремя, если занял и подписался в срок вернуть? Или на-

до не одалживать, если не уверен, что вовремя вернешь! Ваш Водоносов, например, при разводе обязался по суду бывшей жене двести тысяч выплатить компенсации, потому что иначе там речь шла об уголовке и зажал. Что женщина может сделать? Она ему напоминает, а он ее посылает на все буквы и грозитя приехать и еще раз избить. А у нее дети, ей деньги нужны! Она и обратилась к нам, пугнули молодчика, так он сразу утихомирился, договорились с женой, что он будет ей в рассрочку выплачивать. А то ишь, расхрабрился, женщину пугать! Как нас увидел, сразу в штаны наклал!

– А какой процент ты с каждого задания имеешь, доблестный защитник женщин и детей? – спросил Гриша.

– Какой надо! – огрызнулся Дима, – задаром никто не работает, Наталья вон свои дюдики не за "спасибо" кропает. И ты, Нефедов, давно ли стал таким чистоплюем?

– Да-а, – протянул Рома, вставая, – спасибо, Гриня, посидели хорошо, но мне пора.

Вскоре засобирался уходить Степа. За ним – Петя и Гена. Гриша, Антон и Наташа вышли покурить.

– Да, – после паузы сказала Наташа, – наслышана я о методах воздействия, принятых в таких фирмах. Кошмарят должников по полной. Все равно кого – мужчину, женщину, старика, только детей не трогают, с этим сейчас по закону строго. Я слышала, однажды у кого-то в парадной площадку залили строительной пеной и говорили: все уберем, когда вы нам такого-то имярек отдадите. И что главное, парадную

перепутали.

– Раньше они лихо зажигали, – Гриша прикурил вторую сигарету, – сейчас их слегка придержали, но все равно...

– И ради чего Димка к ним пошел? – удивлялась Наташа. – Платят, что ли, хорошо? Или нравится власть свою над людьми ощущать, крутизну свою показывает? Или реально верит, что борется за справедливость?

– Справедливость Димасу всегда до фени была, – сказал Антон, – он еще в армии говорил: добро побеждает зло, кто победил – тот и добро. А люди не меняются.

– Вроде действительно де-юре он ничего преступного не делает, – задумчиво произнесла Наташа, – а... Осадок неприятный остался – такое узнать про своего армейского товарища.

– И ведь он нам сразу не сказал, ЧЕМ занимается "на гражданке", – развел руками Гриша, – так, туманно сказал про "частную структуру", знал, что вряд ли мы такую работу одобрим.

Из зала, шваркнув дверью, вышел Дмитрий.

– Пошел я, – зло сказал он, – спасибо, Гриха, за стол и угощение, еще раз с днюхой тебя. Одни разбежались, другие носы воротят, типа, все в белом пальто, а я уронил в грязь идеалы и замарал святое... – он плюнул на газон. – И принесло же этого кретина! Чтоб его подняло да шлепнуло!

Гриша сухо попрощался. Наташа промолчала.

– Брезгуешь? – обратился к ней Дима. – Или уroda это-

го жалеешь? А ты бы слышала, как он против тебя выступал, когда ты под следствием была! И к следаку таскался, и журналюгам интервью давал, и капитана Жеглова цитировал: "Будет она сидеть! Я сказал!" и ржал глумливо...

– Знаю, – кивнула Наташа, – адвокаты рассказывали. Только ты ведь не за это Водоноса гонял.

– Праведники нашлись, – поморщился Дима. – Прямо готовы правую подставить. Да кстати, я и тебя, Наташка, припомнил, когда пришлось с этим дрищем работать. У меня понятия есть, а вы что подумали?

– Вот так, – хмуро сказал Гриша, когда Дима размашисто зашагал вниз, к остановке. – Водоносов, конечно, дрянной человечешко, до чего ни дотронется, все опоганит. Кстати, я его вчера на мосту встретил. Он что, подсекает за тобой? У него в телефоне твои фотки были, стоял, разглядывал.

– То-то он и говорил: знал бы мой муж... – Наташа в сердцах пнула камешек, зафутболив его к ограде музея. – Спасибо, Гриша, что предупредил... Застукаю его, сама ему лишнее поотшибаю!

– Грозно звучит в твоих устах... А что он такого мог подсечь, чтобы мужем тебя пугать?

– Ну, я встретила в гостинице одного знакомого, прощались немного, поговорили... Ничего такого.

– Можешь не уточнять. Я тебя хорошо знаю, тебе, как в том анекдоте про дом престарелых, всякий там секс по барабану.

– А по хребту, Гриня?.. Он нас увидел, когда мы в аллее сидели и разговаривали, и начал варнякать: сообщить бы моему мужу; знала бы опека; надо меня жизни поучить, чтобы свое место знала. Урод! То посадить меня хотел, теперь мою семью разбить хочет. И что я ему сделала?..

– Ладно, Нат. Если что, я сам с ним потолкую накоротке. Пошли в зал!

*

Когда няня Алина увела Ташу обедать, Ефим сложил ладони "шалашиком" на столе и шумно вздохнул:

– Итак, дети мои... и ты, Белка, сдаётся мне, что господин Кувшинов в большую опу нас посадил. И после этого я вынужден констатировать, что считаю нас свободными от всяческих обязательств перед этим клиентом.

– И где его теперь искать? – спросила Белла. – Версии уже есть?

– Пока нет, – признался муж, – ключевое слово "пока", я непременно вычислю, куда он направил стопы. Человек не иголка, не снеговик, чтобы исчезнуть бесследно, а значит, наследил. Надо только найти эти следы и идти по ним. И до чего, гаденыш, додумался! Видимо, кот дворовый к нему на балкон запрыгнул, а Кувшинов на него браслет свой вместо ошейника напялил. То-то удивлялись топтуны, когда их подопечный вдруг начал по подвалам и мусорным бакам лазать! – вспомнив, как в поисках беглеца приставы носились по лабиринтам проходных дворов за одуревшим по весне ко-

том, Коган не сдержался и заржал. – Кстати, пикантная деталь, они настигли "маячок" в самый неподходящий для ко-та момент. И когда его, ikh bin nebekhdik (прошу прощения – пер. с идиш /прим. автора/), с кошки стаскивали, он одного хорошенько за руку тяпнул, а другому моську расцарапал.

– Котика хоть не сильно обидели? – еле выговорила сквозь смех Белла, живо представив себе эту картину.

– Отделался моральными травмами. Сумел удрать. Так что ищем, Белка, ищем...

– Звонила Наташка, – сообщила Белла. – Представляешь, только она заехала в "Любоморье", как туда следом прикатил Иноземцев из Воркуты на своем "Найте"!

– Да ты что?! – изумился Коган. – Тот самый?

– Единственный и неповторимый. Он, видишь ли, вздумал ударить автопробегом по бездорожью и разгильдяйству в лучших традициях "Золотого тельца" и рванул на своем броневице из Воркуты в Севастополь.

Коган изумленно присвистнул. Белла шлепнула его по затылку:

– Деньги же высвистишь! Да, вот так, сел в машину и рванул за четыре тысячи километров с лишним, по дороге репортаж в своем блоге вел, прилежно каждые шесть часов путевые заметки выкладывал. Заключительное фото, – елейным голоском промурлыкала Белла, – сделано вчера в 06.32, из придорожного отеля в окрестностях Феодосии, "у самого синего моря". Стоит на морском берегу голый по пояс, ре-

льеф свой офигительный демонстрирует. "Ах, какой мужчина – ну настоящий полковник"! – дурашливо пропела Белла.

Ефим издал глухой рык.

– Занятия по бодибилдингу проводятся повсюду и доступны всем желающим, – хихикнула жена, – Яндекс тебе в помощь, выбери себе подходящую "качалку", потренируйся лет пять, и тоже сможешь бицепсы и "кубики" показывать!

– Я и без "качалок" хорош, – мрачно ответил Ефим, – в армии хорошо натренировался. Чечня покруче любой спортшколы была... Кое-кому так могу засветить, что неделю будет лежать и охать! Помнишь, как тому идиоту, который возле Фрунзенского суда машину нам зеленкой окатил?

– Да уж! – не стала отрицать Белла. – А его группа поддержки разбежалась во все стороны, как зайцы с чужого огорода! В другой раз еще подумают прежде, чем вредить чужим адвокатам, если за это можно такую оплеуху схлопотать! Ты был великолепен в своей ярости, Фима.

– Ага, неплохой у тебя все же муж, – самодовольно улыбнулся Ефим, – хоть и не мотаюсь на тачке через пол-Земли и голяком не фоткаюсь. Хорош ведь, да?

– Хороший-хороший, по лбу тебя галошей! – вспомнила дразнилку из своего детства Белла. – И главное – сама скромность.

– И еще – объективность мышления!

*

Разошлись значительно раньше намеченного. После того,

как половина их компании покинула банкетный зал, веселье сошло на нет. Посидев по инерции еще около часа, Наташа, Гриша, Антон, Ваня и Максим поднялись из-за стола и распрощались. Иван, Макс и Антон вызвали такси до города. Гриша пошел проводить Наташу в "Любоморье". В апреле темнело уже значительно позже, и в половине восьмого вечера еще только начало смеркаться. Где-то высоко среди деревьев какая-то птица размеренно повторяла свое "пиу, пиу" в полной тишине.

– Неприятно, конечно, узнать такую правду если не о друге, то о человеке, которого столько лет знаешь, – после недолгого молчания сказал Гриша, и Наташа поняла, что инцидент с Димой держит его до сих пор. – Да еще Водоносов этот... Наташка, честно, знал бы я, что он в совхозе обосновался, назначил бы точку сборки где-нибудь в другом месте.

– Димка, Валька... Встретились два токсина! – поморщилась Наташа.

Они шли мимо белого здания – нового корпуса поселковой школы. И вдруг из кустов через дорогу блеснула, ослепив обоих, вспышка.

Гриша сжал кулаки и метнулся к кустам. Водоносов ловко увернулся и с безопасного расстояния крикнул:

– Твои фотки уже в Сети, Навицкая! Как ты тут бухаешь и с мужиками валандаешься! Давно пора тебя жизни поучить! Капец тебе теперь будет, мисс Марпл, блин!

– Убью, скотина! – взревел Гриша и попытался догнать

сантехника, но Валентин так припустил, что быстро скрылся из вида.

– Еще раз сунешься, гад, размажу! – проорала вслед Во-
доносову Наташа. – Достал уже!

В "Любоморье" она открыла ноутбук. "Если он не шутит, то я могу подать иск за незаконное размещение моих изображений и вторжение в личное пространство. Хорошая ад-
министративка быстро вправит мозги этому злопамятному придурку"...

Выйдя во двор покурить, Наташа непроизвольно покоси-
лась на корпус, где жил Алексей, и снова увидела свет в его окне. И отвернулась. "Курортный роман... Нет уж, это не мой формат. Дама с собачкой мне никогда не нравилась. Я еще в школе терпеть ее не могла, наравне с Ирэн Форсайт... Живет за счет мужа, за его деньги наряжается, ездит на кур-
орты и его же презирает, называет лакеем и обманывает. Больше уважения вызывает Татьяна Ларина, которая, любя Евгения Онегина, все же не стала наставлять мужу рога, пе-
ресилила свое чувство и страдания... Помнится, когда я у доски откровенно высказала свое мнение об Анне Сергеевне и ее отношениях с Гуровым, русичка скривилась, как от хи-
нина, и вlepила мне тройку. В те времена собственное мне-
ние никого не интересовало; достаточно было лишь переска-
зать учебник и мнения критиков. Но я все равно остаюсь при своих убеждениях! Один раз уже от них отступилась. И так больно обожглась, до сих пор науку помню!".

Виктор Уланов смотрел на фотографии, которые были брошены в Сеть из неизвестного источника и уже расходились десятками перепостов.

Он сразу догадался, что белокурый атлет – это и есть тот самый Иноземцев, с которым Наташа познакомилась прошлой весной в Воркуте, хозяин ночного клуба с подпольной гладиаторской ареной... Да, действительно яркий тип. И знает о том, какое впечатление производит. Наташа много иронизировала по поводу его самолюбования и привычки красоваться. "Конечно, – уточняла она, – ему есть, чем похвалиться: всего, что он имеет, он добился своими силами, начав с нуля, но уж очень забавно смотреть, как он напрягает свои бицепсы и сверкает улыбкой. Ну, слабость такая у сильного человека – любит, когда им все восхищаются".

И вот этот сильный человек, проехав на машине несколько тысяч километров, остановился в одном отеле с Наташей, обедает с ней и гуляет по улицам поселка. Она смеется над его шутками; вот они вместе входят в ворота гостиничного комплекса... И уже посыпались комментарии – "Железный Алекс проехал всю страну ради встречи с любимой женщиной", "Нерону" и 4000 км. – не расстояние", "Идиллия в южном поселке", "Им обоим доступны статусные курорты, но почему-то они отправились в глубинку! Значит, им есть, что скрывать", "На скока она его старше?", "Ну Наташка жжот!" ...

Уланов знал цену подобным "сенсациям" в интернете. Знаменитостей авторы сплетен женили, разводили и даже хоронили. Адвокат научился отделять зерна от плевел, читая новостные ленты в интернете. О его жене чего только не болтают, а он все же склонен больше верить ей. Он лучше знает Наташу, чем эти болтуны. Десять лет прошло с их первой встречи в комнате для свиданий московской "Бастилии".

Но... Но он ведь разговаривал с ней. Почему жена не сказала о приезде северянина, если у нее с Алексеем действительно только дружеские отношения? Этот вопрос не давал Виктору покоя, как заноза в пальце, как больной зуб. Сразу вспомнилась другая ситуация, когда его подозрения оправдались. Но эта история ударила Наташу сильнее всех и по идее должна была отбить у нее тягу к подобным приключениям.

И все же она ничего ему не сказала о встрече с Иноземцевым.

Услышав по скайпу рассказ Уланова о новостях в интернете, Коган немного помолчал, а потом произнес словцо, очень метко определяющее авторов всяческих фейковых вбросов. Оно было созвучно слову "пустоболы" или "пустобрехи".

– Ну, приехал мужик в ту же гостиницу, – продолжал Ефим, – сходили они с Натальей пообедать... Я с ним работал в прошлом году, он, при всей своей показушности, парень простой... Может, иногда устает от пафоса и понтов и

хочет отдохнуть по-простому, вспомнить юность. Ну, поговорили они с Наташкой, пообедали вместе. А что им – шараться друг от друга? Эти писаки слона из мухи раздуть готовы, лишь бы лайков побольше насшибать и монетизацию подключить. Забей! Все нормально. Вот у нас с Белкой трабл посерьезнее.

– Из-за Кувшинова? – спросил Виктор.

– Да, – Коган эмоционально произнес несколько крепких выражений на идиш, – как в воду канул! Ищут пожарные, ищет милиция, ищет СледКом... а толку ноль! Мы тоже ищем, я наших дознавателей озадачил, чешут мелким гребнем все направления. И главное, нам же теперь органы мозг вышибают: мы, мол, намеренно добивались смены меры пресечения, чтобы дать ему убежать. Если не найдем, будет... – Коган оглянулся и откашлялся, – капец котенку!

– Привет, Белла, – Уланов сообразил, что в кабинет начальника вошла Измайлова. При жене Ефим всегда старался воздерживаться от грубых выражений, щадя ее слух.

– Привет, Витя, – рядом с Ефимом в кадре появилась Белла. – Как твои ничего?

– Да вот, – ответил за Уланова Ефим, – какие-то ушлепки зарядили в интернете сплетни о Наталье. Все как обычно: взяли щепотку правды, навернули сверху три вагона выдумок, и готова сенсация для сайта из серии "Одна баба сказала". А Витя уже и с лица спал, звонит мне: ааааа, что это?

– Ладно тебе, Фима, – улыбнулся Уланов, – сделал из ме-

ня какого-то истеричного нытика, — от насмешливого тона и иронии Когана у него действительно отлегло от сердца и тревога стала угасать. В самом деле, почему его так взволновали очередные слухи в чьем-то блоге?

— А что за сенсация? — Белла уселась на широкий подлокотник массивного кожаного кресла мужа. — Фима, подвинь свой монументальный торс, а то меня на экране не видно!

Измайлова была настоящим сгустком энергии. Она практически всегда пребывала в движении, могла говорить без умолку, не запыхиваясь. С азартно блестящими глазами, подвижная, как ртуть Белла успевала повсюду, в минуту могла выпалить в два раза больше слов, чем любой другой человек, бурно веселилась, бурно негодовала... и вот уже 10 лет насмешливый циник Коган не мыслил себе жизни без нее. Измайлова оказалась еще и прирожденным юристом. Получив несколько лет назад второе высшее образование в Университете Профсоюзов Александра Запесоцкого, Белла работала в юридической фирме мужа и выиграла довольно много громких процессов. "Буря и натиск", так прозвали ее в юридических кругах. "Когда прилетает ураган "Белла", обвинению лучше сразу спрятаться под лавку", — смеялся их четвертый компаньон, Игорь Никольский. "А еще я толково излагаю фактуру, против которой не попрешь!" — сверкала в ответ глазами Измайлова.

Уланов еще раз поведал о заметке в блоге, фотографиях и перепостах.

Белла что-то выпалила по-цыгански, и Коган округлил глаза в изумлении:

– Белка, ты хочешь, чтобы я с кресла в шоке свалился, и ты его займешь единолично? Что за выражансы, Белка?!

– Только такой характеристики достойны эти помойные писаки! – выстрелила Белла. – И почему ты вообще ТАКОЕ читаешь, Витя?! И так растревожился? Ты не был в Воркуте и с Иноземцевым не контактил, а мы с ним работали. Так вот, он не из тех парней, которые могли бы вскружить Наташке голову. Да, шикарный красавец, крутой бизнер, тело – зашибись, атланты у Эрмитажа отдыхают, да еще и неглуп, но для Наташи он – максимум хороший друг. Это тебе не Томилин с его бездонными глазами и трагической историей. Ох, – вздохнула Белла, – не будь я тогда на сносях, сама бы увлеклась этим мальчиком... не рычи, Фима! А Иноземцев – хороший друг, свой парень, которого можно хлопнуть по плечу, спросить, как житуха, предложить, если что, помощь или попросить о помощи его. Как в песне: друг твой – третье твое плечо. А если он губу раскатал на что-то большее, это его дело. Как говорила мать поэта Волошина, Елена Оттобальдовна, капризничавшему сынишке: "Хоти-хоти дальше!". И вообще, Витя, ты кому больше веришь: жене, или этим сплетникам? Я вообще диву даюсь!

– Все по полкам разложила, – усмехнулся Ефим.

– Профессионально, – Белла вскочила и резво зашагала по кабинету, потом снова плюхнулась на подлокотник, – зрю

в корень. Поймать бы этих папарацци да надрать им задницы по 137-й статье! Да еще 128-ю, точка один, добавить!

– Кстати, – пригладил тонкие усики Коган, – по ай-пи можно элементарно вычислить. Пусть отвечают за базар.

После разговора с Беллой и Коганом Уланову стало легче. В самом деле, нашел, чему верить. Тоже еще, нашел, где искать достоверную информацию! Одного артиста подобные "сенсационники" десять раз женили на женщинах, с которыми он даже не был знаком. Популярную певицу несколько раз хоронили в подобных публикациях, тогда как она гастролировала по стране и прекрасно себя чувствовала. Модную писательницу объявляли неизлечимо больной – а она в это время отдыхала с семьей на курорте или готовила к изданию новое произведение и даже не знала о том, что "врачи оставили все надежды". И вот очередной фейк о Наташе. В самом деле, не смешно ли? Развесил уши, как лопух!

*

Сон, где она снова оказалась в спецблоке московского СИЗО, повторялся уже в третий раз, стоило Наташе задремать. И там она ощущала даже специфический тюремный запах, который преследовал ее все полтора года – и потом еще долго казалось, что от нее все еще пахнет тюрьмой – страданием, неволей и безысходностью.

Наташа уже трижды повторяла фразу, которой ее научила бабушка: "Куда ночь, туда и сон", выпила глицин, который, если верить аннотации, нормализует сон, пробовала перед

засыпанием настраивать себя на позитивный лад – но, стоило закрыть глаза, как снова появлялась камера в "Бастилии", решетки на окне и "тормоза" на двери. И Наташа старалась поскорее проснуться.

В окно светила луна. Ветер трепал пляжное полотенце на балконе, и по стене номера металась его тень, навевая не лучшие ассоциации.

– Да что за хрень, – Наташа встала, зажгла свет и потянулась за одеждой. – Пойду, прогуляюсь – может, свежий воздух и морской ветерок выветрят из головы токсичные сны!

Алексей Иноземцев проснулся от ощущения, словно кто-то грубо тряхнул его за плечо. Никто бы не посмел такое с ним проделать наяву: оглушительный нокаут был бы гарантирован. Даже спросонья удар у Алексея был поставлен хорошо. Вот и сейчас атлет выбросил вперед сжатый кулак и со словами "Какого хрена?!" сел на кровати. Осмотрелся. Не похоже на его спальню в воркутинском "умном доме", построенном по спецзаказу. "Я что, у очередной телки заночевал? А почему темно, как в январе, сейчас уже ночи светлые!.."

Сон отступил, и Иноземцев вспомнил, что он в Крыму. Устроил себе автомобильное турне с "Найтом". Спросонья голова плохо соображает... И чего его вдруг подбросило?

Обостренное чувство надвигающейся опасности не раз вот так "встряхивало" Алексея и спасало ему жизнь, бизнес или помогало вовремя прийти на помощь сестре.

"Что-то случится, – Алексей встал и подошел к окну. Завывал ветер. Луна то показывалась, то исчезала за клочкастыми облаками. В ее свете раскачивались по стенам тени высоких туй около корпуса. "Ну и задуло, как у нас в тундре... Как-то, помню, запуржило так, что автобус шахтерский ветром унесло", – зябко переступив босыми ногами на полу – от окна ощутимо тянуло ночным холодком – Алексей потянулся за джинсами. Пойти, что ли, искупнуться? Может, небольшой заплыв прогонит беспричинную тревогу.

*

Наташа курила на своей любимой лавке у обрезанной фляги-пепельницы. Городок спал. Возле пары номеров в длинных двухэтажных коттеджах стояли раскладные сушилки, и ветер энергично трепал оставленные на них полотенца и купальники. Ревело море за корпусами.

Откуда-то от "Колизея" донесся тихий шелест шагов. Еще один полуночник выполз. В свете фонаря к берегу проследовала высокая плечистая фигура – а, понятно, Алеше тоже не спится.

"Почему же, спиться я могу и сам", – вспомнила анекдот Наташа и хихикнула, гася сигарету в импровизированной пепельнице.

Когда она шла к своему корпусу, роясь в карманах ветровки в поисках ключа, мимо "Шанхая" шмыгнула еще одна фигура и направилась к воротам.

"Сегодня, похоже, многих мучает бессонница..."

Со стороны моста донеслось нестройное пьяненькое пение нескольких голосов о белогривом коне и ревливой жене и чей-то вопль: "Да достали уже, идите на...!". "И колдырям-придуркам не спится".

Внезапно ветер затих. Еще секунду назад все завывало, свистело и тряслось, и вдруг наступила полная тишина. Наташа остановилась, потрясла головой – не оглохла ли она. Живя на севере, она успела отвыкнуть от крымской погоды – ветер может яростно завывать, ломая деревья, и моментально затихнуть.

Небо плотно затянуло облаками, окончательно скрыв луну и звезды и наступила крошечная темнота.

Наташа поняла, что сбилась с пути, когда вместо своего корпуса оказалась в узкой аллее у реки – из-за кустов веяло прохладой и запахом речной травы. Потом фонарик на телефоне выхватил из темноты морду сенбернара – совсем рядом. Наташа чуть не налетела на него. "Блин, откуда тут этот слонопотам?!" Она замерла на месте, вспомнив роман Стивена Кинга "Куджо" о том, как взбесившаяся собака несколько дней терроризировала городок.

Собака не шевелилась и даже не моргала. Посветив на нее фонариком, Наташа увидела, как блеснула свежая краска. Это была ростовая фигура, выполненная в натуральную величину и с пугающей реалистичностью. Рядом был вход в кафе-шашлычную.

Наташа чуть не рассмеялась: ничего себе крутая десантница, чуть не заорала от испуга при виде скульптуры!

Она осмотрелась. Да, заблудилась она в темноте знатно – вместо своего корпуса оказалась около моста, за которым располагалось кафе, где она обедала. Немудрено – в "Любоморье" она впервые, да в такой темноте, да спросонья...

С моста донесся какой-то шум, словно шла рукопашная схватка. Сдавленный вскрик, стон. Глухой удар. Возня. Через секунду, показавшуюся пугающе долгой, всплеск – как от падения чего-то тяжелого в реку. И все затихло.

Забыв о том, что хотела искать свой корпус, Наташа стала проламываться через кусты к реке. Боже, человек упал с моста, ему может быть нужна помощь! Пусть даже это один из тех горластых гуляк – все равно не бросать же его!

Чья-то рука легла ей на плечо. Наташа обернулась и, уловив знакомый запах парфюма "Ральф Меллер", сказала:

– Ты очень кстати, Алеша. Тут кто-то упал с моста. Или его толкнули...

– Вечер перестает быть томным, – пробормотал Алексей.

*

Река сильно обмелела, но осталась широкой. Ее можно было перейти вброд, но дно было сильно заилено. Несколько раз Алексей и Наташа поскользывались и хватались за кусты и друг за друга, отчаянно чертыхаясь. Но они не сворачивали, пробираясь к островку посередине реки, на котором лежало тело упавшего человека.

– Эй, – окликнул Иноземцев, первым ступив на островок, – вы живы?

Нет ответа.

– Помощь нужна? – поинтересовалась Наташа.

Молчание.

– Алеша, кажется, надо...

– Сейчас проверю, что с ним... Может, сможем привести беднягу в чувство своими силами.

Сверху что-то щелкнуло.

– ЛОЖИСЬ!!! – заорала Наташа, по армейской службе хорошо знающая этот звук, щелчок взведенного курка.

Реакция Алексея была молниеносной. Он толкнул Наташу куда-то вбок и следом рухнул сам, закрывая ее своим крупным телом. По тому месту, где они только что стояли, зачмокали пули. Потом кто-то гулко протопал по мосту, убегая. И все стихло.

Лежать лицом в илистой мутной жиже было некомфортно. Наташа толкнула Алексея:

– Все, отбой... Ты как?

– Ничего, – Алексей откатился вбок, сел. Казалось, что его глаза светятся в темноте, как у обозленного хищника. – Нет, ну за такие шуточки я могу и руки-ноги местами поменять... Найду я этого стрелка!

– Алеша, – стерев с лица грязь, Наташа вернулась к упавшему, склонилась над ним, коснулась шеи, проверяя пульс, – у тебя телефон с собой?

– Если не разбил, когда нас обстреляли, то с собой, – Иноземцев вытащил из кармана широких спортивных штанов черно-серебристый "Верту", – Что? Плохо? "Скорая" нужна?

– Полиция нужна, – вздохнула Наташа.

– Понял, уже звоню. А кто это? – Алексей кивнул на лежащего.

– Сейчас посмотрим.

Лицо упавшего было сильно разбито о камень, на который он очень неудачно упал головой. Но Наташа все равно узнала его.

– Валька Водоносов, – прошептала она, – Алеша, представляешь? Тот самый, которого ты у курилки просил при мне не материться.

– А потом еще пугнул возле ресторана, где вы тусили, – Алексей подошел к ней и посмотрел на тело сантехника. – Полиция уже едет. Кого же это он еще так допек?..

*

Через час на берегу речки было тесно от полицейских, экспертов, следственной бригады и по другую сторону оцепления – от постояльцев и служащих гостиничного корпуса, разбуженных выстрелами на мосту и воем полицейских сирен. Слухи распространяются быстро, и толпа, несмотря на ночной час, собралась немалая.

Наташу и Алексея опрашивали как свидетелей, разведя по разным помещениям шашлычной, которую открыли специально для удобства оперативной бригады.

С Наташей беседовала худошавая рыжеволосая девушка с молочно-белой кожей и в форме капитана полиции. По ее осунувшемуся лицу и красным глазам Наташа поняла, что девушка уже собиралась сменяться с суточного дежурства, когда ее выдернули "на труп". "Теперь провалдохаются до утра, бедняга, вторую ночь не спит", – посочувствовала ей Навицкая.

Алексея опрашивал в банкетном зале коренастый крепыш, тоже капитан.

– Имя, фамилия, отчество?

– ИФО получается вместо ФИО? – огрызнулся Иноземцев. Голова снова отяжелела и начала побаливать от усталости и нервного напряжения, в глаза словно насыпали песка, и настроение было не лучшим.

– Называйте как хотите. Только давайте не умничать. Сами видите, что случилось. Убийство – не повод для приколов.

– Ладно, извините, – Алексей потер веки. В самом деле, чего он выверился на этого парня, который всего лишь делает свою работу? – Иноземцев, Алексей Матвеевич... 1988 год. Воркута.

Капитан поднял голову, удивленно посмотрев на северянина.

– Издалека приехали, – заметил он.

– Мгм.

– И как там у вас? – уже не для протокола спросил капи-

тан.

– Как обычно по весне. Снег, сугробы, тундра белая.

– Ну да, у нас-то уже потеплее... Давно прибыли?

– Вчера... Нет, уже позавчера.

– Вы были ранее знакомы с потерпевшим, Водоносовым Валентином Петровичем 1981 года рождения?

– Впервые увидел здесь.

– ... Что вы видели по пути к мосту? Что вы делали ночью на улице? На пляже больше никого не было? Вы уверены? Случайно ли вы встретились с гражданкой Навицкой около места убийства? ..

... Отпустили его только на рассвете, обязав в ближайшее время быть на связи и не покидать гостиницу.

Алексей вышел из шашлычной с таким чувством, будто всю ночь тягал железо в "качалке" или дрался с двадцатью противниками подряд на ринге.

"Вот тебе и поплавал от бессонницы. Из-за этого дебила, с которым я всего-то пару раз схлестнулся, такой геморрой!.. Да еще и обстреляли, – Алексей брезгливо стряхнул прилипший к колену комок грязи с несколькими прошлогодними травинками. – Теперь я не уеду даже если силой будут выпроваживать, можете не беспокоиться, господа полицейские! Этот вшивый стрелок меня разозлил, а обозленный воркутинский пацан – это серьезно!"

У ростовой фигуры боцмана на входе на пляж стояла Наташа. По ее усталому осунувшемуся лицу и припухшим ве-

кам Алексей понял, что ее тоже всю ночь допрашивали, и она чуть жива от усталости и бессонной ночи.

– Доброе утро, – сказал он.

– Коли оно доброе, то тебе того же, – обернулась Наташа.

– Нам больше повезло, чем этому, гмм... Водовозову.

– Водоносову... По-моему, стрелок просто хотел напугать нас, нарочно стрелял мимо, чтобы мы мордами в землю попадали и не видели, куда он побежит.

– Я его при встрече напугаю... Что, заманали допрашивать?

– Заманали... И обязали быть на связи и оставаться здесь.

– И меня. Впервые пожалел, что не курю. Думаю, долго придется искать убийцу. Я так понял, этот тип с многими тут перегавкался.

– Скорее всего. Валька всегда был неуживчивым типом. Алеша, он выложил в интернет наши фото в кафе и около магазинов... Я утром собиралась заявление на него писать о незаконной публикации моих фотографий. Да еще с такими подписями к фото, как будто мы сюда приехали за тем, чтобы... Ну, сам понимаешь.

– Мать его. Жаль, что я первым до него не добрался.

– Вот и я о том же. Встретился бы он мне раньше, чем убийце, получил бы охапку лещей.

– Этот, блин, Анискин, – фыркнул Алексей, – который со мной беседовал, явно подозревает меня... Смотрел на меня, как на восьмое чудо света: как это я из Воркуты на маши-

не приехал? Почему не на Мальдивы или Лазурку отдыхать отправился, а сюда? Что делал ночью на улице? Как это – в море купался? А днем искупаться не мог?

– И на меня эта барышня в погонах тоже поглядывала с прищуром, особенно когда я сказала, что училась в одной школе с Валькой. Тут же увязала это с тем, что я приехала именно в ту гостиницу, где он работает... то есть работал, и тут же начала выпрашивать, не было ли у нас раньше конфликта. Ну, да: я ему в девятом классе надавала по шее, а через четверть века с моста скинула!

– Я в пятом классе набил морду однокласснику, – припомнил Алексей, – за то, что он меня "подкидышем" и "приблудой" называл... А сейчас он меня крестным к дочке пригласил. Мало ли с кем мы ссорились в детстве!

– Был конфликт, – призналась Наташа, – он в девятом классе начал младших или всяких "ботаников" данью облагать, деньги на столовку отбирал, чтобы пива попить с друзьями после уроков... И когда он начал моих сестренек кошмарить, я с ним и поговорила. Очень жестко. Я уже тогда здоровее многих пацанов была. Все, больше не наезжал. А потом мы вместе пытались в десантуру поступить. Меня взяли, а Вальку отсеяли на медкомиссии. Он тогда немного пошумел: как это, бабу в десант взяли, а мужика забраковали!

– Да, лучше бы он после школы физухой занимался, а не пиво хлестал, – хмыкнул Алексей.

– Да, может и это ему боком вышло, но Валька считал, что

это несправедливо, его должны были взять "на одном простом основании", которое у него в штанах.

– И сколько лет назад это было?.. Или он был таким упоротым, что помнил обиду четверть века?!

– Наверное. Сам слышишь: компромат на меня искал, в сеть выкладывал, с товарищем обсуждал, как сделать, чтобы муж меня "жизни поучил"... Может, он в эти годы и не вспоминал прошлое, а тут встретил меня на курорте, узнал, что я стала писательницей, неплохо зарабатываю, и выиграло ретивое: как же так, опять я на коне, а он трубы прочищает в гостинице...

– Умный человек понял бы, что сам неправильно распорядился временем, отведенным для взятия вершин в жизни! – резонно заметил Алексей.

– Вряд ли это о Вальке, он еще в школе склонен был виновников своих неудач искать везде, кроме зеркала. Двойку вклеили за контрольную – учительница несправедливая. Мать к директору вызвали за драку или стену испорченную – прикапываются не по делу. И так далее.

– Кто же его так удостоил? – Алексей потер ноющий лоб. – Не мы – это точно. Я по дороге видел, как они на мосту стояли. А потом уже тебя около собаки заметил. А одновременно стоять у шашлычной и орудовать на мосту ты не могла. Как и я – не мог раздвоиться, идти по аллее и сталкивать этого придурка с моста. А полицейские заподозрили нас только из-за того, что мы ночью по улице шарохались!

– И вообще ведем себя неправильно. Отдыхать нужно только в сезон, по схеме "двое взрослых, добавить ребенка", развесить на сушилке у двери цветастые труселя, выставить мокрый круг, сачок и надувные нарукавники, лопать на пляже кукурузу, самсу и чурчхелу, громогласно выяснять отношения "почему ты не взял то, почему ты забыла это, сына, подошел-сел-замолчал-мы-пошли-пока-пока"...

– Мрак крошечный, – давился смехом Алексей.

– В представлении большинства – это "а че, нормально, как у всех отдых"... А мы не укладываемся в эти стандарты, значит, подозрительные личности априори. Кто не похож на других, на того всех собак повесить норовят! – Наташа вспомнила, как легко 10 лет назад все поверили в ее виновность – и "читатели газет", беспощадно отхлестанные в одноименном стихотворении Марины Цветаевой, и работники СМИ, и даже официальные лица. И все только из-за того, что она была не такой, как все. В армии она служила на мужской должности, а не на узле связи, кухне или в медпункте, не делала макияж, прическу и маникюр, не имела элегантных туфель и подогнанной по фигуре форменной юбки, стремилась меньше выделяться среди парней... "Странная она, кто ее знает, – говорили о ней, – раз заподозрили, значит, что-то есть, дыма без огня не бывает". И только мать, сестры, Белла и Фима с друзьями верили ей, но их никто не слушал: "Большинство не может ошибаться! Адвокаты всех выгораживают, им за это платят! Матери всегда своих детей самы-

ми лучшими считают! Сестры о ней плохого не скажут! А эту Измайлову саму проверить надо, чего это она за диверсантку заступается, вместо того, чтобы с нами в унисон проклинать ее, как положено! Следователь сказал – значит, виновата, так и перетак!"...

– А кто вообще придумал эти нормы и стандарты, и с чего все решили, что все нестандартное – плохо? – спросил Алексей. – Может, как раз мы – нормальные, а не те, кто в "высокий сезон" задницами на переполненном пляже толкаются!

– У каждого своя правда, Алеша, – ответила Наташа, – единый стандарт хорош только для фабричных деталей на конвейере, это они должны быть строго по ГОСТу выполнены. А людей загонять в единые рамки нельзя. Как и думать: "Если он ведет себя не так, как я – значит, он – не норма". Но пока люди это поймут, они еще долго друг другу нервы будут мотать!

– Дундуки! – злился Алексей. – А как же презумпция невиновности? Если они меня подозревают – то пусть сами и ищут доказательства! А они хотят, чтобы я им в поте лица доказывал, что я – не верблюд!

Он покачал головой. Усталость навалилась такая, что хотелось прикорнуть прямо на песке. Но превозмог себя и натянуто усмехнулся:

– Что, Наталья? Тряхнешь стариной, как в прошлом году, начнешь своими силами выяснять, кто этого Вальку приложил?

– За "старину" сейчас по загрузку получишь. Давай без намеков на возраст. Я всего-то на шесть лет старше тебя.

– И зачем ты это уточняешь?

– Не знаю, Алеша. Может и попытаюсь порыться в этой истории... Я ведь Вальку со школы знала. И сейчас мне его по-человечески жалко.

– Привет! – от корпусов к ним бодрой трусцой приближался вихрастый Федя из Россоши. – Утро-то какое, а? Загляденье! Тоже рассвет встречаете, солнечную энергию впитываете? Вот это правильно! Весь день будете свежими и бодрыми!

– Солнечная энергия – это классно, но мне еще нужно хоть пару часов поспать, – устало сказала Наташа, когда Федя удалился в сторону пирсов.

– Я бы тоже подушку придавил. Прикинь, этот любитель единения с природой всю ночную суматоху проспал, похоже, ничего не знает. Наташ, если что, – тронул ее за локоть Алексей, – я помогу. Думаю, мужской взгляд будет не лишним, когда на дело с двух сторон смотришь, обзор лучше.

– Спасибо, Алеша, – улыбнулась ему Наташа. – С таким помощником от меня ни один злодей не ускользнет.

Они разошлись по своим корпусам. Алексей проводил Наташу взглядом. "Ладно... В гости набиваться не буду! Не до того..."

Наташа в дверях номера поймала взгляд Алексея и снова подавила желание сбежать по ступенькам к нему.

В номере она разделась, плотно задернула шторы и забралась под одеяло. "Ну и ночка..."

*

Вопреки ожиданиям – "Ну, вот, просплю теперь полдня!" – Наташа проснулась в 9 часов утра, отдохнувшая и полная сил.

Она немного полежала в постели, вспоминая ночное происшествие. Еще позавчера Валька шел по аллее, шумно ругая перед напарником каких-то неопрятных отдыхающих, набросавших мусора в канализацию – "пусть в кусты бегают, у меня выходной!", шел в пивной ларек, предвкушая насладиться любимым напитком... А сейчас лежит в морге, и ему уже ничего не нужно, ничего не раздражает и ничего никогда не будет. И, несмотря на их былые разногласия, сейчас Наташа по-человечески пожалела Водоносова.

В дверь постучали. Наташа вздрогнула от неожиданности, вскочила с кровати и откликнулась:

– Кто там?

– Сто грамм и огурчик! Гостей принимаешь?

– Алеша? Подожди минуточку.

– Не вопрос. Я тебя разбудил?

– Почти, – Наташа торопливо застилала постель, натягивала джинсы и футболку. пригладив гребешком волосы, она распахнула дверь.

Алексей стоя у перил, вдыхая аромат роз, пышно расцветших у ступенек. В джинсах и голубой рубашке, гладко вы-

бритый, благоухающий парфюмом он меньше всего был похож на человека, который лег спать на рассвете и отдыхал меньше пяти часов.

– Я уже вставала, – Наташа поправила завернувшийся рукавчик футболки и вышла на крыльцо. – Ты как?

– Да нормально. Я в своей жизни всякого навидался, меня не так-то просто вывести из равновесия. Слушай, я тут кое-что подумал об этом деле...

– Заходи, – Наташа посторонилась, – не будем обсуждать эту тему на юру в утренней тишине. Судя по тому, – она закрыла дверь, повернув дважды ключ в замке, – что убийца не хотел, чтобы мы видели, куда он побежал, он живет здесь... Или снимает номер. И вряд ли ему сейчас сладко спится. Вдруг, по закону подлости, он как раз прогуливается поблизости. Кофе хочешь? – она достала пачку "Жокея" из шкафчика.

– Хочу, – Алексей, стоя у телевизора, с интересом осматривался. Его мощная фигура словно заполнила собой все пространство номера. – А потом предлагаю позавтракать. Я по дороге к твоему корпусу уловил откуда-то из-за ограды аромат чебуреков – значит, кто-то уже открыл свое заведение. Интересно будет сравнить наши чебуреки с Парковой с местными. Ты ведь бывала в кафе на Парковой?

– Бывала. Мне понравилось. Садись, – Наташа достала две толстостенные чашки из гостиничной посуды, засыпала в них молотый кофе. – Хорошо готовят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.